АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИНСТ-ТА ЛИТЕРАТУРЫ. VI

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

Задонщина

(Опыт реконструкции авторского текста)

1

Задонщина в том ее виде, какой сохранился в списках XVI—XVII вв., состоит из трех частей: предисловия, рассказа о Куликовской битве и заключительной части, слагающейся из рассказов о бегстве Мамая и о прощании великого князя с дружиной на поле битвы.[1] Каждая из этих частей характеризуется особым подбором литературных источников.

Предисловие отличается от других частей Задонщины наличием в нем стилистических отзвуков Повести временных лет (легенда о происхождении Руси и „поганых" от сыновей Ноя и, возможно, выражение „горы киевские") и исторических припоминаний о битве на Калке (из летописи типа Ипатьевской).[2] Однако в этом предисловии есть и выражения, совпадающие с центральной частью Задонщины — рассказом о Куликовской битве: великий князь и здесь называется вместе с серпуховским князем Владимиром Андреевичем; повторяются следующие словосочетания: „быстрого Дону", „Залесскую землю", „в полуночную страну", „хинове", „посмотрим славного Непра", „тугою и печалию покрышася".

К Слову о полку Игореве в стиле предисловия могут быть возведены, и то с оговоркой, лишь немногие обороты: „на горы киевския" (ср. в Слове: „въ Киевѣ на горахъ", „къ горамъ киевьскымъ"; но аналогичное выражение есть и в Ипатьевской летописи); „посмотрим славнаго

---

[1] Текст Задонщины в таком составе издан по всем сохранившимся спискам в V томе „Трудов ОДРЛ", 1947.

[2] Следы этого предисловия есть и в списке XV в. К-Б (Кирилло-Белозерском): „поидемъ, брате, в полуночную страну, жребии Афетову сына Ноева, от него же родися Русь преславная. Оттоле взыдемъ на горы киевъскыя... от тоя рати до Мамаева побоища" — по изданию П. К. Симони: Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII вв., Пгр., 1922, стр. I—II.

Непра" (ср. в Слове: „позримъ синего Дону"); „хиновя" (ср. в Слове: „Хинови", „Хинова", „Хиновскыя"); „на реке на Каяле" (ср. в Слове: „на рѣцѣ на Каялѣ", „в Каялѣ рѣцѣ", „Каялы рѣки", „быстрой Каялы"; но и в рассказе Ипатьевской летописи о походе Игоря также читаем: „на рѣцѣ Каялы" — см. ПСРЛ, т. II, СПб., 1908, стб. 643).

Вся центральная часть — рассказ о Куликовской битве — построена на одном литературном образце — Слове о полку Игореве, что же касается ее фактических сведений, то в них ощущается пользование и официальными данными о битве, и народными преданиями.

Заключительная часть начинается рассказом о бегстве Мамая в Кафу. Первая фраза этого рассказа явно напоминает Слово о полку Игореве: „И отскочи поганый Мамай от своея дружины серым волком и притече к Кафы граду" — ср. в Слове: „Всеславъ... скочи от ныхъ лютымъ звѣремь... скочи влъкомь до Немиги... влъкомь рыскаше... Игорь... скочи... съ него бусым влъкомь... Влуръ влъкомь потече..." С центральной частью Задонщины этот рассказ совпадает в немногих отдельных выражениях: „орда Залесская", „окованые рати", „лукоморье", „у быстрого Дону", „на траве ковыле". Но рассказ о бегстве Мамая отличается от всего предыдущего изложения своим нравоучительным тоном: „А казнил бог Русскую землю за согрешения... Тако господь бог помиловал князей Русских..."

Речь великого князя „на костех", заканчивающая наиболее полные тексты Задонщины, представляет повторение соответствующего эпизода Летописной повести о Мамаевом побоище. В этом эпизоде Задонщины уже нет никаких отголосков Слова о полку Игореве, а с предыдущим текстом совпадают лишь два выражения: „Залесскую землю" и „а чти есмы, брате, добыли и славнаго имени".

Возникает вопрос: все ли из названных частей Задонщины входили в авторский текст Софонии рязанца?

Есть основания, которые как будто свидетельствуют о том, что предисловие возникло позднее основного рассказа о Куликовской битве. В самом деле, оно использует такие литературные источники, следов которых нет в дальнейшем, — Повесть временных лет и летопись типа Ипатьевской. Предисловие прибегает к историческим припоминаниям, тогда как центральная часть Задонщины избегает каких бы то ни было сопоставлений с прошлым. То немногое, что в предисловии совпадает со Словом о полку Игореве, либо может быть выведено из летописи („на горы киевские", „на реке на Каяле"), либо оказывается повторением выражений Слова, вошедших в центральную часть („посмотрим славнаго Непра", „хинове"). Таким образом, в предисловии не оказывается ничего, что требовало бы непременно знакомства его автора со Словом о полку Игореве. Тот самый редактор, который, отделяя себя от автора, пишет дальше: „Аз же помяну резанца Софонию", — мог составить предисловие. Он использовал летопись, в которую входили Повесть временных лет и рассказ о походе И[illegible] в редакции

Ипатьевского списка, и из этих источников ввел, кроме легендарных сведений, и исторические припоминания о битве на Калке, которые усилили впечатление от первой большой победы над давним врагом. Из новых фактов, относящихся к Куликовской битве и не вошедших в основной рассказ Задонщины, он ввел лишь упоминание о пире у Микулы Васильевича.[1] Чтобы сгладить переход к тексту Софонии, этот предполагаемый редактор-автор предисловия ввел в свой стиль отдельные выражения из поэтического языка Софонии.

Если признать, что предисловие с отголосками летописной легенды о происхождении Руси от Афета, а татар от Сима возникло независимо от самого рассказа о Куликовской битве, то этот рассказ придется начинать с первого подражания зачину Слова о полку Игореве: „Лудчи бо нам, братие, начяти поведати инеми словесы...". Однако именно в этой фразе Задонщины есть выражение, которое делает сомнительным, чтобы повесть начиналась как раз этими словами. „Инеми словесы" подразумевает сравнение: автор собирается теперь говорить другими словами, чем те, очевидно, какими он говорил раньше. Но где же раньше? Остается допустить, что в предисловии. И действительно, если в предисловии образцом его речи была летопись, то теперь таким образцом становится Слово о полку Игореве: „иные словеса" этого литературного источника как будто противопоставляются „книгам", откуда были извлечены исторические экскурсы предисловия.

Приведенные соображения не позволяют при данном состоянии рукописных текстов Задонщины категорически решить вопрос о том, входило ли предисловие в авторский текст Софонии. Несомненно одно, что в XV в. такое предисловие уже существовало, так как отрывки из него сохранились в старшем списке, К-Б (Кирилло-Белозерском).

Опирающаяся на поэтический план Слова о полку Игореве повесть о Куликовской битве переходит в рассказ о бегстве Мамая, первая фраза которого, как указано выше, явно подражает стилю Слова. Дальнейшее содержание этого рассказа основано на двух неизвестных нам источниках. Ироническая речь фрягов к Мамаю построена на народно-поэтическом образе битва-пир, но нравоучительный эпизод, заканчивающий эту речь, резко выделяется своей книжностью. Может быть, этот эпизод представляет позднейшее добавление к первоначальному рассказу.

Последняя часть Задонщины в ее наиболее полной редакции — прощание „на костех" — передана в общем близко к Летописной повести, впервые появляющейся здесь в качестве источника не только фактических данных, но и литературного их выражения. Ни одного заимствования из Слова о полку Игореве или из старших летописных рассказов, отразившихся в предисловии, в этой части Задонщины нет. Вряд ли поэтому есть основание приписывать ее авторство Софонии.

---

[1] О возможных источниках сведений об этом пире см. комментарий к изданию текста Задонщины в V томе „Трудов ОДРЛ".

Таким образом, изучение только рукописных текстов Задонщины не позволяет еще окончательно решить вопрос о первоначальном ее объеме. Вопрос этот органически связан с другими: когда, в каких редакциях Сказания о Мамаевом побоище появились отражения Задонщины? Все ли совпадения Задонщины и Сказания должны рассматриваться как перенесение эпизодов Задонщины в Сказание? Не повлияло ли оно само на какие-то версии Задонщины? Разобраться в этих вопросах можно будет лишь после того, как будет пересмотрена литературная история текстов Сказания. Автор единственного большого исследования об этом памятнике (С. Шамбинаго) признает и сам свои выводы, сделанные в 1906 г., устарелыми.[1] С другой стороны, в свете разысканий о первоначальном составе Сказания и его дальнейшей судьбе в рукописной традиции выяснится и отношение его к Летописной повести о Куликовской битве, в частности к тому ее эпизоду, который заканчивает полную редакцию Задонщины.

В итоге, несомненно принадлежащей Софонии мы можем считать пока лишь ту центральную часть Задонщины, которая опирается на поэтический план и стилистику Слова о полку Игореве; с некоторой долей вероятности ему же можем приписать составление предисловия с отголосками Повести временных лет и, по какому-то народному преданию, рассказа о бегстве Мамая, без нравоучительных сентенций.

Внутри центральной части Задонщины замечаются, однако, явно вторичные вставки в основной текст. Их вторичность доказывается обычно тем, что они разрезают текст, слабо связаны с ним и нарушают естественный ход изложения. При установлении авторского текста Софонии необходимо устранить эти вставки.

Восстанавливая наиболее близкий к первоначальному вид этого авторского текста Софонии, мы вправе учитывать не только показания сохранившихся списков Задонщины (и цитат из нее в Сказании), но и текст Слова о полку Игореве. Дальнейшее изложение покажет, что с помощью Задонщины могут быть оправданы некоторые поправки исследователей, предложенные ими к первому изданию Слова.

В последние годы сделана неудачная попытка пересмотреть прочно сложившееся в науке представление о соотношении текстов Задонщины и Слова о полку Игореве. Задонщина была объявлена оригинальным памятником, который в конце XVIII в. был переделан неизвестным фальсификатором в псевдо-древнее Слово о полку Игореве. Совпадения Задонщины со Словом истолковываются в свете такого утверждения как доказательство того, что Слово есть переделка Задонщины; чтения Задонщины всегда объявляются более древними. Ввиду того, что такая точка зрения в западной науке имеет хоть и немногочисленных, но упорных сторонников, остановлюсь подробнее на ее разборе.

---

[1] См. статью о Сказании в „Истории русской литературы" (т. II, ч. I, М.—Л., 1946, стр. 215).

2

В 1938 г. вопрос о происхождении и дальнейшей судьбе Задонщины подвергся радикальному пересмотру в статьях А. Мазона, поставившего себе задачей доказать старшинство Задонщины сравнительно со Словом о полку Игореве. Предпринятая им „реабилитация" Задонщины должна, по мысли автора, опровергнуть мнение исследователей о подражательном характере этой повести, убедить читателей, что в Задонщине, в отличие от Слова о полку Игореве, все ясно, понятно, художественно цельно, логически обосновано и исторически значительно, что Задонщина, не всегда умело, переделана была, в конце XVIII в., неизвестным автором, который создал памятник, изобилующий „невразумительностями, странностями, исключениями", т. е. Слово о полку Игореве.[1]

Рассуждения А. Мазона о Задонщине исходят из неожиданного исторического открытия: Куликовской победы не было, „историческая легенда" с течением времени превратила эту битву в „блестящую победу" (1938, 3—4, стр. 166). Основанием для такого утверждения является объем явно дефектного списка Задонщины — Кирилло-Белозерского (К-Б), 1470-х годов. В нем, по мнению А. Мазона, согласно с действительностью описана лишь „жалость", т. е. поражение русских войск, а в „позднейших версиях XVI—XVII вв. в согласии с летописным рассказом" описано два момента боя — в первом русские были отброшены татарами, второй „est marqué par... leur revanche" (там же).[2] Не учтя, что оба эпизода Куликовской битвы описаны в одной художественной манере, не обратив внимания на явные искажения списка К-Б, А. Мазон бездоказательно разделил эти две части Задонщины не менее чем столетним промежутком времени. Список К-Б сделался для А. Мазона историческим документом, более достоверно, чем все другие источники, трактующим Куликовскую битву как поражение, а не победу. Такой исторический эксперимент понадобился автору для того, чтобы сблизить тему Слова о полку Игореве — поражение русских войск — с темой „modèle principal" этого

---

[1] A. Mazon. La Zadonščina: Réhabilitation d'une oeuvre. — Révue des études slaves. 1938, 1—2, стр. 6—40; см. также статьи Мазона в следующих книгах этого журнала: Le Slovo d'Igor: le sujet et le cadre; le modèle principal. 1938, 3—4, стр. 163—213; Le Slovo d'Igor: le modèle principal. 1939, 1—2, стр. 52—86; Le Slovo d'Igor: les additions massives. 1939, 3—4, стр. 242—288; Le Slovo d'Igor. 1944, 1—4, стр. 5—45. Статьи 1938 и 1939 гг. объединены в книге: Le Slovo d'Igor. Institut des études slaves. Paris, 1940, 182 стр. — Рецензии: Действительный член АН УССР М. К. Гудзій. Найновіші спроби ревізії справжності „Слова о полку Игореве". Вісті АН УССР, 1946, № 2, стр. 19—36; Н. К. Гудзий. Ревизия подлинности „Слова о полку Игореве" в исследовании проф. А. Мазона. Ученые записки Московского ордена Ленина Гос. Университета, 1947, стр. 153—187.

[2] Термин „жалость" извлечен А. Мазоном из части предисловия, отсутствующей в списке К-Б; первоначально этот термин относился, повидимому, к историческим припоминаниям о былых поражениях русских войск, которые противопоставляются в предисловии — „похвале" героям Куликовской битвы.

памятника — Задонщины, и этой близостью объяснить самый факт выбора оригинала для подражания. Однако в дальнейшем А. Мазон утверждает, что автор Слова использовал Задонщину в версии XVI—XVII вв., т. е. в той, где описано не поражение, а победа на Куликовом поле!

Итак, „очевидная аналогия между злополучным походом Игоря против половцев и большой битвой 1380 г." (стр. 166) исчезает, поскольку „поздние", по терминологии А. Мазона, версии Задонщины, наиболее близкие, по его мнению, к Слову, рисуют победу.

С вопросом о первоначальном объеме Задонщины и с характеристикой дальнейшей судьбы этой повести А. Мазон кончает в первой же статье очень быстро и легко. Обзор-характеристика списков, таблица их соотношения (1938, 1—2, стр. 17) сделаны крайне поверхностно, и потому совершенно неубедительны его текстологические выводы: К-Б „самый близкий к оригиналу" список (стр. 15), „настоящая Задонщина" (37); вторая часть — „похвала" обнаруживает „переделки и нескладность" в целом (стр. 17). Древность списка К-Б Мазон спокойно приравнял к древности его редакции и, не доказав, что именно К-Б сохранил „древнюю" Задонщину, автор поставил „принципиальный вопрос" (1938, 3—4, стр. 171): „Если бы Слово принадлежало средневековому поэту, то удивительно было бы, почему его черты более ощущаются в поздних Задонщинах, чем в древней".

Для непредубежденного читателя очевидно, что сопоставлению Слова с Задонщиной должна была бы в исследовании А. Мазона предшествовать внимательная текстологическая работа над сохранившимися списками Задонщины. В каком виде знал ее „автор" XVIII в., старательно скрывший, а может быть и уничтоживший свой „modèle principal"? Трудно думать, чтобы это был текстолог, по непонятным причинам выбиравший отдельные выражения то из одного, то из другого списка. Очевидно, по Мазону, в его руках был какой-то список, содержавший в себе все совпадающие со Словом эпизоды. Опираясь на сохранившийся рукописный материал, следовало хотя бы предположительно восстановить такую Задонщину и доказать, что она „поздняя", а К-Б — „древняя".[1]

---

[1] Писец Кирилло-Белозерского сборника текст Задонщины передавал, видимо, своими словами, по памяти: он вставил поэтому в Задонщину отрывок из Слова о погибели русской земли. Следующие за Задонщиной летописные заметки он изложил также своим индивидуальным стилем, непривычным для такого рода записей: кроме присущих лишь этому писцу терминов, „Задонщина, Мамаевчина, Тахтамышевщина", в этих заметках читаем такие выражения: „год спустя", „тогды было благовещение на Пасху", „по смерти Алексея митрополита на третеи год бои был", „по Задонщине на осмои год" и т. д. Эти заметки, выраженные просторечием, напоминают приписки писцов на полях псковских рукописей. — Проф. В. Ф. Ржига в тезисах к своему исследованию о Задонщине (Слово Софония рязанца о Куликовской битве. Доклады и сообщения филологического факультета Московского ордена Ленина Гос. университета им. М. В. Ломоносова, вып. 1, М., 1946, стр. 37—38), называя К-Б краткой редакцией, справедливо расценивает ее как сокращение первоначальной, пространной, представленной списками XVI—XVII вв.

Заодно следовало бы разъяснить читателю, почему „ученый литератор" XVIII в., владевший этим замечательным и, по мнению Мазона, во всех отношениях стоявшим выше Слова памятником, не опубликовал просто его, а предпринял сложный труд фальсификатора, по крохам собиравшего для своей подделки материал. Ведь как раз сам Мусин-Пушкин и окружавшие его ученые (предполагаемые фальсификаторы) издавали чрезвычайно охотно памятники древнерусской истории и литературы. Отчего же именно Задонщину они предпочли или уничтожить или спрятать? Куликовская битва в их сознании была крупнейшим историческим событием, победой, имевшей огромные политические последствия, и совершенно непонятно, почему поэтический рассказ об этой победе был тщательно скрыт, а вместо него появилось „своего рода поэтическое приложение к Ясскому трактату" (1938, 3—4, стр. 199), политического смысла которого не поняла даже сама Екатерина II — а ведь именно ей и ее южной политике, по мнению Мазона, хотел польстить неизвестный придворный.

Даже Мазон вынужден признать, что императрица ничем не выразила своего отношения к поднесенной ей копии Слова: это было, по его мнению, „инстинктивное недоверие государыни, осведомленной в придворной лести и в измышлениях, отвечавших ее вкусу к прошлому и к величию" (1944, 1—4, стр. 30). Этот придворный льстец был к тому же настолько скромен и бескорыстен, что он даже скрыл свое имя, и мы так и не знаем, кто же предпринял такой огромный многолетний труд, чтобы в итоге остаться непонятым именно той, кому он хотел угодить. Правда, А. Мазон почти „открыл" этого таинственного „автора". Он полагает, что „два ключа" к тайне Слова заключаются в упоминании Тьмутаракани, Немиги и Дудуток (1939, 3—4, стр. 277): „Тьмутаракань и Дудутки — мы держим здесь два полюса русского империализма, как его понимает автор Слова о полку Игореве. Это два символа патриотизма этого автора; это также два основания (raisons), объясняющие вставки: обращение к тьмутараканскому болвану и неожиданную легенду о Всеславе князе Полоцком... Если бы в окружении Мусина-Пушкина мы нашли воина из Литовской армии 1792 г. или упоминание Дудуток в донесении об этой кампании, или имя одного из властителей Дудуток среди знакомых Мусина-Пушкина, — дверь открылась бы" (стр. 277). Во всех этих рассуждениях А. Мазона полет фантазии ничем не сдерживается: надо совсем не понимать смысла Слова о полку Игореве, чтобы искать „ключи" к нему — в упоминании Тьмутаракани, Немиги, Дудуток...

Как бы то ни было, ни одно из этих рассуждений не помогает нам понять, почему повесть о Куликовской битве в конце XVIII в. предпочли не издать, а уничтожить. Есть и еще загадка: Карамзин сделал выписки из Девгениева Деяния и из повести об Акире, которые, по мнению А. Мазона, нашли свое отражение в Слове, и, следовательно, служили источниками для его „автора". Почему же использованный им текст Задонщины и Карамзину остался неизвестным? Или и он участвовал

в заговоре и одобрил уничтожение такого ценного памятника? Как видим, признание Задонщины источником Слова вызывает такое количество недоуменных вопросов, которое превышает число „темных мест" Слова...

Возникает и еще один не менее загадочный вопрос, уже касающийся источников Софонии рязанца — автора Задонщины. Его повесть в части, совпадающей или близкой к Слову, радикально отличается от господствовавшего в его время типа исторического повествования. Когда мы признаем внутренне обоснованное использование им поэтической схемы Слова о полку Игореве, — его своеобразный стиль не вызывает недоумения. Но если, по Мазону, дело обстоит как раз наоборот, — т. е. Задонщина послужила источником для Слова, — тогда становится непонятным, как возник стиль Задонщины. К ряду ее эпизодов параллели дает только Слово или памятники литературы Киевского периода. Следовательно, надо допустить, что Софония подобрал ряд памятников XI—XII вв., а часть поэтических оборотов создал в их духе. Он выбирал отдельные выражения из многих памятников по непонятному нам для XV в. принципу. Так искусственно представляется метод работы Софонии, если стать на точку зрения А. Мазона. И как просто и естественно рисуется этот метод, когда мы следим за отражением в художественном сознании книжника XV в. поэтической манеры автора XII в.

Для А. Мазона Задонщина и Слово сближаются темой военного поражения, т. е. внешним сходством батальных сюжетов. На самом деле при описании Куликовской победы использована внутренняя идейная связь этих двух повестей: пропаганда идеи единства Русской земли для борьбы с врагами — в Слове, и результаты такого единства, сказавшиеся при выступлении общерусского войска в 1380 г., изображенные в Задонщине. Но эта идейная сторона обоих трактуемых им памятников А. Мазоном совершенно оставлена без внимания. В итоге — Задонщина потеряла под собой литературную и идейную почву, которую для нее составляло Слово о полку Игореве. Встречая в Слове выражений, не имеющие параллелей в других памятниках, А. Мазон расценивает их как доказательства его подложности; но он даже не ставит вопроса о том, откуда подобные исключительные выражения появились в Задонщине. В ней для него все ясно, понятно. Между тем, очевидно, что параллели к памятнику конца XII в. скорее могли не дойти до нашего времени, чем источники повести XV в.

Одно из настойчиво проводимых Мазоном утверждений гласит: Слово отличается от Задонщины своим „языческим" характером, и это будто бы исключение всех христианских мотивов было произведено автором XVIII в. По Мазону, Игорь Святославич в Слове князь-язычник, в отличие от князя-христианина летописи. В доказательство приводятся такие „языческие" речи Игоря, заменившие окрашенные религиозными мотивами рассуждения Игоря в летописной повести: „Луцежь бы потяту быти, неже полонену быти", „Хощу бо, рече, копіе приломити конець поля Половецкаго", „Хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь

Дону" (1938, 3—4, стр. 165). Но, почему, например, первый призыв Игоря к дружине, языческий в устах князя, оказывается христианским в устах инока-богатыря Пересвета, который говорит великому князю: „луче бы нам потятым быть нежели полоняным быть от поганых"? Неужели только потому, что в нем добавлено „от поганых"? Этот эпитет, по Мазону, имеет „христианский колорит" (стр. 178). Однако и Слово неоднократно пользуется таким определением половцев (кстати, неверно, будто в К-Б этой речи нет — стр. 178; переписчик К-Б поместил только весь этот эпизод ниже и притом передал его в вольном пересказе, сохранившем, однако, следы первоначального чтения: „лучши бы есмя сами на свои мечи наверглися, нежели намъ от поганыхъ положенным пасти". „Положенным" явное искажение „полоняным").

Устранение „христианских" черт Задонщины в Слове доказывается Мазоном иногда весьма своеобразным способом. Не выделив в Задонщине случайных черт отдельных списков, Мазон делает выводы о методе работы автора Слова, как только он не находит в тексте Слова такой случайной черты. Так, в Синод. списке Задонщины вместо первоначального „А уже диво кличет под саблями татарьскими, а тем рускым богатырем под ранами" (=в Слове: „Се Уримъ кричать подъ саблями Половецкыми, а Володимиръ подъ ранами"), читаем: „Вжо, брате, диво кличет под шаблею татарскою, а тым богатырем слава и честь и вечная память от бога милость". Даже если стать на точку зрения Мазона и выводить Слово из Задонщины, то все же в данном эпизоде надо исходить из чтения первого типа (список И 2), а не из варианта Синод. списка. Между тем Мазон, сопоставляя именно с этим далеким вариантом, опять подчеркивает свою излюбленную мысль, будто автор Слова исключал все элементы христианской идеологии, найденные им в Задонщине. Так и здесь он видит отсутствие в Слове „de l'action de grâces très chrétienne", адресованной в Синод. героям Куликовской битвы (1939, 1—2, стр. 70), и дальше пишет: „Лишний раз, может быть, автор позаботился исключить религиозную черту, и из текста, часть которого отражена в Ист. 1 (по моей терминологии И 2.—*В. А.-П.*), он выбрал фразу, соответствующую своему вкусу". Так, совершенно неосновательно в данном случае, подчеркивается „языческая" тенденция автора Слова. Ведь никак нельзя доказать, что в тексте Задонщины, которым будто бы пользовался в XVIII в. автор Слова, были соединены чтения И 2 и Синод., и этот автор исключил христианский мотив варианта Синод. На самом деле все обстоит гораздо проще: автор Задонщины довольно неумело приспособил к своей теме трудную фразу Слова („Се Урим..."). И сам Мазон вынужден признать, что в данном эпизоде смысл Задонщины „темен" (стр. 70).

Вообще вопрос о „языческом" характере Слова и „христианском" Задонщины решается Мазоном крайне неудовлетворительно прежде всего с точки зрения методологической. Не доказав, что все молитвенные эпизоды, содержащиеся в отдельных списках Задонщины, составляют

ее исконную и непременную принадлежность, Мазон категорически постоянно утверждает, что отсутствие этих эпизодов в Слове есть результат работы автора XVIII в., намеренно их исключавшего. Например, описание выезда князя Игоря, по Мазону, освобождено от упоминаний о молитве, так как Игорь — язычник (1938, 3—4, стр. 193). Но Мазон не доказал предварительно, что в тексте Задонщины в с е г д а было такое упоминание в описании выезда великого князя. А между тем, в К-Б и в одном из списков Сказания о Мамаевом побоище, цитирующем этот эпизод Задонщины, как раз отсутствует указание на молитву. Вообще история текста Задонщины по сохранившимся ее спискам приводит к заключению, что большая часть таких молитвенных эпизодов представляет позднейшие вставки. Задонщина в ее авторском тексте так же выделяется среди других исторических повестей своего времени слабо выраженной религиозной окраской, как Слово о полку Игореве этим качеством отличается от летописно-исторического повествования XII в.

Отрывая Слово от создавшей его исторической обстановки, Мазон нередко формалистично объясняет разницу между сопоставляемыми эпизодами. Например, он ставит в упрек автору Слова, что у него отсутствует „пышная“ фраза Задонщины: „звенит слава по всей земли руской“ (ср. в Слове „звенить слава въ Кыевѣ“). Но ведь поход Игоря и в действительности не был, как в 1380 г., походом „всей земли руской“, а сепаратным предприятием нескольких князей, чем и объясняется его неудача. С другой стороны, именно положение этой фразы в Задонщине выдает вторичность ее текста. В самом деле, фраза „звенит слава...“ имеет обобщающий смысл, и логичным было бы ее положение в конце описания сборов в поход: „Кони ржут на Москве, трубы трубят на Коломне, в бубны бьют в Серпухове, звенит слава по всей земли руской“. Между тем в Задонщине — по всем спискам — эта фраза разрезает описание сборов: „Кони ржут на Москве, звенит слава по всей земли руской, трубы трубят...“ и т. д. И случилось это потому, что в оригинале — в Слове — читалось; „комони ржуть за Сукою, звенить слава въ Кыевѣ, трубы трубять въ Новѣградѣ и т. д. И в Слове эта фраза „звенить слава“ не имела общего характера. Следует отметить также, что в данном эпизоде Задонщина слила примерный запев Бояна в Слове с описанием сборов в поход князей Игоря и Всеволода.

Другой пример игнорирования Мазоном исторической обстановки — укор автору Слова, который неудачно будто бы не повторил фразы Задонщины „стоят стязи у Дону великого на брези“. Но ведь „стязи“ Игоря и действительно не стояли „у Дону“, как это случилось в 1380 г.

Сопоставляя эпизоды первого издания Слова с Задонщиной (по различным спискам), А. Мазон ставит своей задачей установить старшинство чтений Задонщины и вторичность Слова. Приходится удивляться, как прежде всего непоследователен в своих заключениях Мазон: то он

ставит в заслугу Задонщине ее будто бы большую, сравнительно со Словом, ясность; то, наоборот, доказательством работы фальсификатора XVIII в. считает прояснение запутанного текста Задонщины. Субъективно и бездоказательно он утверждает вторичность текста Слова, а в поисках его источников обнаруживает больше необоснованной фантазии, чем научного метода. Приведу несколько примеров истолкования сходства и различия отдельных, совпадающих в Слове и Задонщине эпизодов.

Слово начинается архаизмом „лѣпо", заменившим „лучше" Задонщины. Откуда же взят этот архаизм? По Мазону, автор XVIII в. нашел его в той версии Задонщины, которой он располагал. Но почему и „древняя" и „поздняя" (по терминологии Мазона) Задонщина употребляет одинаково новое „лучше",— этот вопрос даже не ставится.

Боян в Слове взят из Задонщины, где — это имя „иммигранта XIV—XV в." (1938, 3—4, стр. 170). Все соображения исследователей по поводу происхождения в Слове имени Боян просто оставлены без внимания.

Вместо метафоры Боян — поэт-соловей в Задонщине читается удвоенное обращение к реальным птицам — соловью и жаворонку, носящее все следы упрощения. Но для Мазона здесь — замена автором Слова „трогательной простоты", „наивного, почти сельского оборота" — „риторикой, претенциозным, темным по смыслу дополнением" (стр. 181). Однако, характеризуя изображение поэтической фантазии Бояна, Мазон сам вынужден признать, что образ „растѣкашется мыслию по древу" опирается на „т е м н у ю формулу версий XVI—XVII вв." („но проразимся мыслию но землями" и т. п.). И все же, вопреки очевидности, при полной невозможности объяснить из этой „темной формулы" Задонщины выдержанную метафору Слова, Мазон определяет ее как „le cliché pseudo-classique", вспоминая даже по поводу ее... украшения на часах Людовика XVI (стр. 181). Передавая свое личное восприятие, исходящее из предвзятой оценки, Мазон пишет, что „опытному, но спокойному" поэту Задонщины противостоит в Слове „поэт в экстазе", отвечающий „преромантической моде" (стр. 182). Вторичность Слова в этом эпизоде Мазон доказывает таким рассуждением: если бы автор Задонщины пользовался Словом, то как мог бы он удержаться от соблазна использовать эффектные образы сравнения фантазии Бояна с волком, орлом; у него нет упоминания о „мысленом древе" („не проразимся мыслию" не учтено.—*В. А.-П.*). Следовательно, по Мазону, это амплификация в Слове образа вещего Бояна.

Несмотря на то, что „Див" — вещая птица одинаково вводится и Задонщиной и Словом именно в этом понимании, Мазон утверждает, что это „более оссиановский, чем русский" образ, и переводит слово „Див" — сова (стр. 193). Однако у Оссиана на верхушке дерева сидит настоящая сова, а в Слове и Задонщине — это поэтический образ.

Не обратив внимания на то, как много в Слове звуковых метафор, Мазон расценивает выражение Слова „крычат телегы" как „галлицизм", заменивший прозаическое „воскрипели" Задонщины (стр. 200).

При сопоставлении оставлено без объяснения, почему к эпизоду Слова „уже бо беды его пасеть птиць..." Задонщина дает совсем невразумительную, явно вторичную параллель (стр. 202).

Образец натянутого, произвольного толкования текстов обеих повестей представляют рассуждения Мазона по поводу того, почему Задонщина не пишет о пленении татарок, тогда как Слово описывает пленных половчанок. Автору Задонщины будто бы помешала упомянуть о пленных женщинах „gravité patriotique et réligieuse", между тем как от автора Слова „эпоха требовала" „cette touche romanesque et légère" (стр. 205). Наивны рассуждения, почему в Слове не добавлено, что русские своих пленниц „осквернила".

Разницу между выражением Слова „связи глаголют" и Задонщины „стязи ревут" Мазон объясняет тем, что Слово смягчает „dans le style noble" грубое выражение Задонщины (1939, 1—2, стр. 56, „стязи" почему-то переводится Мазоном „войска").

Сопоставляя эпизод Слова „Тогда по Русской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ часто врани граяхуть" с аналогичным в Задонщине, Мазон не учел того, что Задонщина разрушила логическое построение фразы, основанное на противопоставлении — „рѣтко — часто". В Задонщине опущено „рѣтко" и осталось не обоснованное „часто" во второй фразе. Это ясное свидетельство первичности чтения Слова Мазоном оставлено без внимания (стр. 61).

Произвольно определяется выражение Слова „уныша бо градом забралы и веселие пониче" как „balancement préromantique" (стр. 68), хотя и в Задонщине повторены аналогичные обороты: „Трубы их не трубять, уныша гласи их", и неудачное подражание Слову— „Уныша бо царем их хотение и похвала на Русскую землю ходити, веселие их пониче". Очевидно, такая „преромантическая" конструкция знакома была и XV веку.

Почему „руским златом" Слова необходимо выводить из „татарьским златом" Задонщины, а не наоборот,— непонятно (стр. 68).

Мазон не обратил внимания, сопоставляя эпизоды Слова и Задонщины, как часто Задонщина дает более прозаический текст, переводя в реальный план поэтические образы Слова. Приведу несколько случаев. Образной картине Слова — „ту ся копием приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы половецкыя на рѣцѣ на Каялѣ у Дону великого" — в Задонщине соответствует более реальное описание битвы: „пасти трупу человечью на поле Куликове, пролитися крове на речькы Направде". Здесь сохранена инфинитивная конструкция фразы, но образность упрощена. Вместо поэтического — „се вѣтри Стрибожи внуци вѣютъ съ моря стрѣлами" — в Задонщине реальная непогода: „Возвеяша силнии ветри с моря"; „широкие поля" — превращаются в географическое определение

„из земли Залесские в поле половецкое"; „персты" Бояна не „вещие", а просто „гораздые"; метафорическое „крычат телегы рци лебеди роспужены" передано прозаически — „въскрипели телегы" (Мазон не может объяснить, как и почему бытовое выражение Задонщины выросло в образное сравнение Слова); осталась непонятой метафора, выражающая пленение (Игоря) в Слове: „высѣдѣ изъ сѣдла злата а в сѣдло кощиево" — и заменена изображением смерти русских воинов на поле битвы: „выседоша з борзых коней на судное место"; чрезвычайно снижена поэтичность текста, создаваемая в Слове обильными метафорами, когда автор Задонщины, прибегая к трехчленной формуле отрицательного сравнения, сам объясняет читателю смысл каждой метафоры.

Даже учитывая искаженность текста Задонщины в сохранившихся списках, мы не можем не заметить, что с некоторыми образами или конструкциями Слова автор ее не справился. Так создались непонятные выражения, вроде „проразимся мыслию но землями" (и Мазон отмечает, что это „темное" место), „укупим землям диво", „пасоша птицы крилати под облакы летают", замена „яругы" через „луги", „уныша бо царем их хотение и похвала" (вместо „уныша градом забралы") и проч.

Такое систематическое упрощение поэтического текста понятно для автора, который уже не воспринимал целиком образности Слова, выросшей в иных исторических условиях. Не случайно в Задонщине фразы, построенные в поэтической манере Слова, чередуются с летописно-фактическими, лишенными всякой образности. Единому художественному стилю Слова в Задонщине противостоит соединение отголосков „старых словес" с деловой речью современности. Эта разница осталась вне поля зрения А. Мазона.

При сопоставлении плача боярынь с плачем Ярославны Мазон даже не останавливается на таком, например, вопросе: почему и в Задонщине Дон, как в Слове Днепр, пробивает „каменные горы". В Слове, видимо, речь идет о днепровских порогах, тогда как на пути Дона таких порогов нет. Очевидно, что Задонщина механически повторила формулу Слова.

Параллель к выражению Слова — „дети бѣсови кликом поля прегородиша" дает выражение Задонщины: Пересвет „свистом поля перегороди". Мазон не задумывается над тем, как это один человек может „свистом" перегородить „поля", и, как обычно, старшим чтением признает текст Задонщины.

Сложное рассуждение строит Мазон по поводу синтаксиса отрывка Задонщины: „Черна земля под копыты, костьми татарскими поля насеяны" и т. д., где первая фраза представляет конструкцию без сказуемого. Между тем все объясняется просто. В Слове здесь читаем: „чрьна земля подъ копыты костьми была посѣяна..." Автор Задонщины поставил вместо „была" — „поля" и создал предложение без сказуемого, отделив от него, как особое, другое предложение: „костьми татарскими поля насеяны". Вторичность чтения Задонщины и здесь очевидна

Поэтический образ завоевания в Слове—„испити шеломомь Дону" — переведен в Задонщине, как и в ряде позднейших исторических повестей, в реальный план: „испиемъ, брате, шеломомъ своимъ воды быстрого Дону". Ср. в послании Грозного Курбскому: „и коней наших ногами переехали все ваши дороги... и воду во всех тех местах пили" (РИБ, т. XXXI, СПб., 1914, стб. 123); или — в Повести об Азове: „козаки... воды из Дону пить не дают". Между тем Слово в данном случае идет за старой стилистической традицией, отраженной в летописи: „Тогда Володимеръ Мономахъ пилъ золотом шеломомъ Донъ" (Ипат. 1201, стб. 716) или „я поилъ есмь коне Тьхвѣрью, а еще Волховомъ напою" (Новг. 1, СПб., 1888, стр. 221). Мазон даже не ставит вопроса, почему же предполагаемый им автор XVIII в. оказался ближе к древней формуле летописи XIII в., чем к своему „modèle principal" — Задонщине, почему вообще он задумал архаизировать этот стилистический оборот. Значит рядом с Задонщиной у него лежала Ипатьевская или близкая к ней летопись, он по ней проверил формулу Задонщины, определил ее отход от „старых словес" и выправил эту формулу? Иначе как же объяснить разницу между Задонщиной и Словом? И все это вместо того, чтобы отметить упрощение, прозаическую передачу в Задонщине устаревшей к XV в. поэтической формулы XII в.

Совершенно непонятен комментарий Мазона к сопоставляемым эпизодам: „Грозы твоя по землям текут... Стреляй, господине, Кончака, поганого Кощея..." в Слове и „Уже грозы великого князя по всей земли текуть. Стреляй, князь великий, с своею храброю дружиною поганого Мамая хиновина..." в Задонщине. Конечно, и здесь, по Мазону, в Слове оказывается „вариант более звучный, чем сильный", тогда как в Задонщине — источник этого „варианта". Смысл этого эпизода Задонщины почему-то связывается с собиранием Русской земли под властью Москвы и вообще с настроениями „патриота XVI в.", „готового принять доктрину третьего Рима" (стр. 73). Но кто доказал, что этот эпизод появился в Задонщине в XVI в., или что уже Софония был пропитан идеями „третьего Рима"? Так легко и безответственно расправляется Мазон с текстом Задонщины.

Сопоставляя Слово с Задонщиной, А. Мазон оставил без объяснения следующий факт. В Слове, отражающем в данном случае народно-поэтический язык, систематически поэтический эпитет с эмоциональным оттенком выражается постпозитивным положением прилагательного.[1] В Задонщине такая система отсутствует: „великий князь" и „князь великий", „гуслеными буйными словесы", „в руской земли", но „за землю рускую", „красных дней", „синии небеса", „сильному граду", но „колоколы вечныа"; „быструю реку", „черному ворону", „храбрых удальцов",

[1] Акад. С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка, М.—Л., 1946, стр. 172 и сл.

но „сынове храбрии“ и т. д. Всякое определение может здесь занимать положение до или после определяемого слова. Возможно, что постпозитивное положение определения-эпитета и здесь показывает тяготение автора к ритму народной поэзии, но систематически этот прием не проводится. Наличие последовательности в применении постпозитивного эпитета в Слове и отсутствие такой последовательности в Задонщине естественно заставляет считать первичным текст Слова.

В отличие от Слова, Задонщина совсем не знает препозитивного в отношении глагола положения частицы „ся“ при возвратном глаголе. Единственный раз, когда такое положение встречается, фраза выдает заимствование из Слова. В соответствии с фразой Слова — „ту ся брата разлучиста“, читаем в Задонщине „ту ся погани разлучишася“. Софония начал конструкцию Слова, но, непривычный к раздельному употреблению „ся“ впереди глагола, он повторил возвратное местоимение еще раз после глагола: „разлучишася“. В Слове, где насчитывается шесть случаев препозитивного положения „ся“, есть также один случай когда позднейший писец, не справившись с непривычным строем фразы повторил „ся“: „вежи ся половецкии подвизашася“. Позднейшее происхождение этого „подвизашася“ отмечено акад. С. П. Обнорским.[1]

Так непредубежденное сопоставление сходных эпизодов Слова и Задонщины приводит к заключению, что Задонщина, за исключением тех редких случаев, когда она буквально повторяет поэтические формулы Слова, обнаруживает их претворение иным художественным сознанием. Сложная метафоричность Слова упрощается, и автор стремится приблизить изложение к реалистическому описанию событий; совершенно сглаживается в изложении все, что в Слове связано с темой „усобиц“, так как Куликовская победа изображена в виде итога именно объединения русских войск. Исторические реалии Слова заменены отголосками событий и воззрений конца XIV — XV вв. В соответствии с требованиями нового исторического стиля, Задонщина иногда оставляет художественный стиль своего образца и переходит на деловое, точное описание событий. Таким образом, единый выдержанный поэтический стиль Слова в Задонщине применен как одно из средств выражения темы и рядом с ним ощущается иной способ описания исторических событий.

Хотя и умеренно в старшей редакции Задонщины, но все же заметно отражена официальная церковность мировоззрения, поэтому тщательно исключены все поэтические следы до-христианского мировоззрения (кроме образа вещей птицы — Дива Слова).

Нарушение цельности изложения и ломка отдельных поэтических конструкций подтверждают вторичность текста Задонщины. В каждом

---

[1] Ук. соч., стр. 163—164.

отдельном случае формула Задонщины легко может быть объяснена из Слова. Но невозможно иногда из запутанных и порою, даже по мнению Мазона, темных формул Задонщины вывести законченные развитые метафоры Слова. Наконец, вся центральная часть Задонщины построена на одном художественном образце — на Слове, который автор оставляет лишь для того, чтобы деловито описать событие. Но Слово в изображении Мазона постоянно вынуждено оставлять свой „modèle principal": от Задонщины автор его будто бы бросается к рыцарским романам и романсам, затем к Минеям, повести об Акире и Девгениеву Деянию, оттуда к Татищеву, Щербатову и Болтину, снова к летописи и, наконец, к Оссиану. Этот „автор" то представляется псевдо-классиком, то преромантиком, оссианистом. Обращение его с источниками — никому, кроме Мазона, непонятно: имея, например, рассказ о событии в Ипатьевской летописи, этот автор почему-то прибегает к пересказам Татищева и Щербатова; заметая следы своей фальсификаторской работы, этот „автор" уничтожает именно те источники, которые могли бы подтвердить древность сочиненной им повести (Задонщину, Сборник, где были повести об Акире и Девгениево деяние), но намеренно в примечаниях цитирует те сочинения XVIII в., которые, по Мазону, он обильно использовал и которые как раз могут навести читателя на сопоставления и на мысль о подделке (Татищева, Щербатова и других). Признавая текст издания 1800 г. принадлежащим неизвестному нам автору XVIII в., Мазон все же предлагает к нему ряд поправок, чтобы этот текст стал в некоторых местах понятнее. Но какое же право мы имеем исправлять авторский текст? Мазон совершенно запутался в последней статье между автором, переводчиком и издателями Слова. Получается так, что издание делалось без участия автора, перевода он также не только не делал, но и не видел, поэтому остались непонятные переводчиками места, какие-то их ошибки.

„Темных мест" в рассуждениях Мазона о Слове и Задонщине так много, что не представляется никакой возможности распутать их. Между тем все ясно и понятно, когда мы выводим Задонщину из Слова.

Как видно было из предыдущего изложения, А. Мазон не только не выяснил оставшихся неисследованными вопросов о происхождении и дальнейшей судьбе Задонщины, но окончательно запутал их. Объем первоначального текста, его источники, литературная история, поскольку она может быть нарисована на основании сохранившихся списков, — все это в статьях „реабилитирующего" повесть А. Мазона представлено крайне субъективно, легковесно и потому совершенно неубедительно. И, — что особенно подрывает научное значение статей А. Мазона, — он отрывает литературные памятники от создавшей их эпохи; в их идеологическом осмыслении он не идет дальше определения их „языческого" или „христианского" характера; с непонятным легкомыслием по-своему оценивает значимость тех или иных событий русской истории и на этих оценках строит затем свои рассуждения. Антиисторичность и субъекти-

визм характеризуют заключения А. Мазона и о Задонщине и о Слове о полку Игореве.

Следует отметить также и нежелание А. Мазона охватить Слово о полку Игореве как органическое целое, понять ту идею, которая связывает все его части и которая внутренним планом объясняет кажущийся „беспорядок". Отсюда представление о Слове, как о мозаическом соединении разнохарактерных, разновременных, взаимно исключающих друг друга источников. Отказываясь вникнуть в историю культуры Киевской Руси, А. Мазон иронически говорит о „поражающем одиночестве" Слова (1938, 1—2, стр. 6), о том, что в XII в. неизвестно „политическое вдохновение" (1944, 1—4, стр. 6), хотя вся литература XI—XII вв. прямо свидетельствует об обратном; пренебрежительно отзывается о самом событии, которое дало тему двум летописным повестям и Слову: „летопись рассказывает об этом событии длиннее, чем оно того стоит", это материал „un peu banal" (1938, 3—4, стр. 164—165) и т. д. Только при таком „подходе" к эпохе, создавшей Слово, и можно было дойти до мысли вывести Слово из Задонщины. Но А. Мазон совершенно упустил из виду, что в его изображении „в поражающем одиночестве" окажется ряд эпизодов Задонщины, потерявшей связи с предшествующей традицией.

3

Сопоставляя с реконструированным текстом Задонщины первое издание Слова о полку Игореве, мы убеждаемся в том, прежде всего, что Софония рязанец имел в руках список Слова, не вполне совпадавший с текстом Мусин-Пушкинского сборника; затем мы получаем возможность поддержать или опровергнуть некоторые поправки, предложенные исследователями и издателями Слова к чтениям первого издания; наконец, Задонщина дает небольшой материал, помогающий при переводе Слова на современный язык остановиться на определенном значении отдельных выражений.

Сравнивая план первых эпизодов основной части Задонщины с началом повествования о походе Игоря, как оно изложено в первом издании Слова, мы замечаем разницу в расположении материала, хотя совершенно несомненно, что именно в первых эпизодах Софония рязанец особенно близко придерживался своего поэтического образца. Зато Задонщина подтверждает мысль академика А. И. Соболевского о том, что в Мусин-Пушкинском сборнике начальные эпизоды Слова переместились в итоге путаницы листов в обветшалой рукописи. В статье 1916 г. академик А. И. Соболевский[1] предположил, что в Слове после фразы—

[1] Материалы и заметки по древнерусской литературе. XVIII. Изв. ОРЯС АН, 1916 кн. 2, стр. 210—212.

„наведе своя храбрыя плъкы на землю Половецкую за землю Руськую" — должен был следовать эпизод, начинающийся словами: „О Бояне, соловію стараго времени, а бы ты сіа плъкы ущекоталъ..." и кончающийся беседой Игоря и Всеволода: „сами скачють акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славѣ". После этого следовала помещенная в первом издании выше речь Игоря к дружине: „Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце..." до слов: „хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону" — и, наконец, описание солнечного затмения („Тогда въступи Игорь князь въ златѣ стремень..."). По мнению А. И. Соболевского, переставленные в какой-то рукописи Слова листы были затем в этом неверном порядке скопированы, и создалось то перемещение эпизодов, которое отражено в первом издании Слова.

Эта гипотеза А. И. Соболевского подтверждается текстом Задонщины. Во всех ее списках вслед за описанием храбрости великого князя Дмитрия Ивановича (= Игоря в Слове: „истезавше умь свои крѣпостию... уставиша себе храбрыя плъкы") идет обращение к жаворонку (= соловью Бояну) и описание сборов в поход (сливающее примерный запев и самое описание Слова). Речь Дмитрия Ивановича к войску помещена ниже, как и речь Игоря к дружине. Таким образом, есть основание полагать, что список Слова о полку Игореве, использованный Софонией рязанцем, содержал тот логический порядок эпизодов, который затем был нарушен при дальнейшем бытовании рукописи и закреплен в Мусин-Пушкинском сборнике и в первом его издании. Поэтому вряд ли можно согласиться с заключением А. И. Соболевского, будто „механическая перестановка частей текста" произошла „еще у одного из древних переписчиков" (стр. 210). Задонщина показывает, что в конце XIV в. Слово было известно еще без нарушения плана изложения.

Более или менее точно повторенные в Задонщине выражения Слова позволяют проверить некоторые суждения комментаторов Слова о правильности отдельных чтений первого издания.

Исследователями было высказано немало догадок по поводу того, как следует читать и понимать фразу первого издания: „растѣкашеться мыслію по древу". Наиболее привилась поправка, предложенная Карелкиным,[1] вместо „мыслію" читать „мысію", т. е. белкой. Задонщина показывает, что по крайней мере в том тексте Слова, который использовал Софония, читалось „мыслію". Отсюда в списках Задонщины разные варианты образа Слова, слитого притом со следующим („растѣкашеться мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли"): „не поразимся мыслию но землями" (Унд.), „не поразился мысленными землями" (Синод.), „потрезвимься мысльми и землями" (Ист. М. № 2060). Образ Слова остался непонятым автором Задонщины, но, как бы неудачно ни пере-

[1] Рецензия на перевод „Слова" Н. Гербеля: Отечественные записки, 1854, т. 93, стр. 9—10.

давали его переписчики, всегда остается след чтения „мыслію“, а не „мысію“.

В обращении к Бояну первое издание и Екатерининская копия так передают текст Мусин-Пушкинской рукописи: „... летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени“. Издатели и комментаторы различно читают это слово („славы“); Д. Дубенский[1] пишет: „славы — или описка, вм. славою, или чит. славьи, т. е. по соловьиному: ... или это винит. множ. ч. свивая (что?) славы — славныя деяния ...“. Ф. И. Буслаев[2] предположил, что „славы может быть испорчено вм. славию (о соловей) или же род. пад. ед. ч. от сущ. слава: обе половины славы“. Чтение „славию“ принято большинством новейших издателей Слова. Не отрицая возможности такого исправления, заметим, однако, что текст Задонщины как будто свидетельствует скорее о чтении „славы“ в той рукописи Слова, которой пользовался Софония: „пои славу“ (К.-Б.), „воспой славу“ (Ист. М. № 2060, Унд.).

Неясное выражение Слова — „уже бо бѣды его пасетъ птиць подобию“, вслед за А. Потебней, многие исследователи исправляют на „... птиць по дубию“.[3] В Задонщине этому эпизоду соответствует чтение: „А уже беды их пасоша (вар. пасущеся, пашутся) птица крилати под облаки летают“. Может быть „под облаки“ заменило в Задонщине „подобию“, а не „по дубию“?[4]

Чтение Слова „а въ нихъ трепещуть синии млъніи“ было предложено исправить на „а въ нихъ трепещуть си синии млъніи“.[5] Текст Задонщины не подтверждает этой поправки, в нем читаем: „и въ нихъ трепещуть синие молнии“.

Принятая всеми исследователями Слова поправка к первому изданию в обращении к князьям Роману и Мстиславу, где вместо ожидаемого „подклониша“ стоит „поклониша“ („а главы своя подклониша подъ тыи мечи харалужныи“), подтверждается Задонщиной: „а главы своя подклониша подъ мечи руския“. Хотя „поклониша“ повторяется и в Екатерининской копии Слова, вряд ли следует рассматривать это чтение как особенность Мусин-Пушкинской рукописи, отсутствовавшую в оригинале Задонщины. Вероятно издатели пропустили здесь надстрочное *д*. Сохранение в Задонщине образа „Див“ — вещая птица („кликнуло Диво в Русскои земли“, „А уже Диво кличеть под саблями татарскими“, „уже веръжено Диво на землю“) показывает искус-

---

[1] Слово о плъку Игореве Святъславля пестворца стараго времени. М., 1844, стр. 24.

[2] Историческая христоматия церк.-слав. и древнерусск. языков. М., 1861, стр. 600.

[3] См. так и в последнем издании академика А. С. Орлова: Слово о полку Игореве. М.—Л., 1946, стр. 67.

[4] В. А. Яковлев, следуя за Задонщиной, вводит в текст Слова, взамен обычного „подобию“ или „по дубию“, — „под облаки“: „Уже бо Бѣда его пасеть птиць подъ облаки“ (Слово о полку Игореве. Изд. „Учебная библиотека“, СПБ., 1891, стр. 3, 33).

[5] И. Козловский. Палеографические особенности погибшей рукописи Слов. о полку Игореве. М., 1890, отд. отт. из „Древностей“ Моск. археол. общ., стр. 10.

ственность домыслов А. Югова о значении слова „дивь" в Слове о полку Игореве.[1]

Передавая свой оригинал, автор Задонщины заменил некоторые архаизмы Слова: так, вместо „лѣпо" он ставит „лучше," вместо „позрим" — „посмотрим", вм. „ущекотал" — „выщекотал", „възлелей" — „прилелей" и т. п. Передача некоторых слов Софонией помогает разрешать спорные вопросы перевода Слова о полку Игореве на современный язык. Недавно, например, подвергся пересмотру вопрос о значении слова „кикахуть" („Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть..."). Н. Дылевский[2] обстоятельно опроверг предложенное Г. А. Ильинским сближение „кикахуть" с украинским „кичувати" — корчевать,[3] приведя данные в пользу обычного перевода (ср. „покрикивали" в переводе академика А. С. Орлова).[4] Среди этих данных, однако, отсутствует ссылка на Задонщину, где данному эпизоду соответствует свободная передача его Софонией: „ни ратаи ни пастуси не кличут". Пересматривая вопрос о переводе слова „потрепати" („а злата и сребра ни мало того потрепати"), Н. Дылевский присоединяется к тем переводчикам Слова, которые „потрепати" передают через „трогать, держать, осязать" — ср. в переводе академика А. С. Орлова: „а золота и серебра [и в руках] даже не подержать".[5] В примечании автор статьи ссылается на текст Сказания о Мамаевом побоище. Но в данном случае Сказание цитирует Задонщину, где образ, взятый из плача жен русских Слова, использован в плаче разгромленных татар: „Уже нам, братие, в земли своеи не бывати, а дѣтеи своих не видати, а катунь своих не трепати..."

Настоящая работа (реконструированный текст Задонщины, с предисловием) была уже сдана в печать, когда появились два исследования: одно — специально посвященное Задонщине, другое — касающееся этого памятника в ряду произведений „Московской литературы".

Исследование проф. В. Ф. Ржиги „Слово Софония рязанца о Куликовский битве" („Задонщина") с приложением текста Слова Софония и 28 снимков с текста по рукописям Гос. Исторического музея XVI в.[6]

---

[1] Слово о полку Игореве. Перевод и комментарии Алексея Югова. Изд. „Советский писатель", М., 1945, стр. 117—118.

[2] „Ратаевѣ кикахуть" и „а злата и сребра ни мало того потрепати". — Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет, т. XI, II, 1945/46, отд. отт., стр. 4—8.

[3] Slavia, VIII, 1929—1930, стр. 654 и сл.

[4] Назв. изд., стр. 81.

[5] Там же, стр. 81.

[6] Ученые записки Гос. Московского педагогического института им. В. И. Ленина, т. XI, III, М., 1947, 99 стр.

по существу не расходится с моим выводом о соотношении сохранившихся списков Задонщины. Называя „краткой" редакцией текст, представленный Кирилло-Белозерским списком, а „пространной" — тип, читающийся в остальных четырех списках, В. Ф. Ржига, однако, признает, как и я, что „обе редакции Слова о Куликовской битве восходят к одному оригиналу, который имел пространный характер, и краткая редакция, таким образом, получилась в результате сокращения" (стр. 12).

С моей точки зрения лишь „краткая" редакция — это, в сущности, не сознательная переработка „пространной", хотя бы и путем сокращения последней, а запись, сделанная по памяти. Отсюда происходит путаница в расположении эпизодов, замена отрывка писания Софонии реминисценцией из Слова о погибели русской земли, совершенно свободный пересказ последнего плача, замена имени Димитрия Ивановича — Иваном Димитриевичем и т. д. Однако, как и В. Ф. Ржига, я вполне признаю ценность некоторых отдельных чтений Кирилло-Белозерского списка для восстановления первоначального текста Софонии.

Что касается объема этого первоначального текста, то, продолжая работу над его реконструкцией, я шла именно тем путем, который предлагает В. Ф. Ржига: „путем сопоставления краткой редакции (по Кир.-Бел. списку) с различными стадиями в литературной жизни пространной редакции, существовавшей, как известно, с начала XV в. по XVII в. и отразившейся не только в полных и неполных списках XVI и XVII вв., но и в тексте «Сказания о Мамаевом побоище»" (стр. 38). Поэтому предлагаемая ниже реконструкция текста и отличается частично от первого опыта ее (сделанного мной еще в 1943 г., но напечатанного лишь в начале 1947 г.). Принципы, на которых основана эта „вторая редакция" реконструированного текста, изложены мной в автореферате „Задонщина (к вопросу о реконструкции авторского текста)".[1] В этой статье мной указано и на то, что недостаточная изученность „Летописной повести" и „Сказания о Мамаевом побоище" продолжает стоять на пути исследователя Задонщины. Ряд спорных вопросов состава авторского ее текста сможет быть решенным только после основательного пересмотра литературной истории всех трех повестей о Куликовской битве, в их взаимосвязях.

Задонщине уделил внимание член-корреспондент АН СССР М. Н. Тихомиров в книге „Древняя Москва (XII—XV вв.)"[2] в главе XVIII „Московское просвещение и литература". Исследователь подчеркнул „московский характер" Задонщины, который не противоречит соображениям о происхождении Софонии: был ли он брянским боярином или рязанцем,

---

[1] Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, т. VI, 1947, № 2, стр. 95—100

[2] Изд. Моск. ордена Ленина Гос. университета им. М. В. Ломоносова. М., 1947, стр. 200—203.

он проявил „хорошую осведомленность... в московских делах... «сильный», «славный», «каменный» город Москва, быстрая река Москва стоят в центре внимания автора".[1]

М. Н. Тихомиров предлагает новые данные для датировки Задонщины. Упоминание в перечне городов, куда „шибла слава" о Куликовской битве, Тырнова („ко Торнову"), завоеванного турками в 1393 г., показывает, по мнению исследователя, что „первоначальный текст Задонщины составлен был не позднее этого года".[2] Вычисленную в Задонщине цифру — от битвы на Калке 6732 г. до Куликовской битвы 6888 г. — „160 лет" М. Н. Тихомиров считает возможным рассматривать не как ошибку (160 вместо 156), а как „определенное датирующее указание на время составления памятника, относящееся к 1384 г.".

4

В основе издаваемого текста частей Задонщины, входивших в авторский оригинал Софонии, лежит список Государственного Исторического музея № 2060, XVII в. (И 1). Исправления внесены в текст из списков К-Б, У, С, И 2, Ж (см. характеристику этих списков в предисловии к изданию второй редакции Задонщины в т. V „Трудов ОДРЛ", стр. 195—198). В орфографии допущены следующие упрощения, сравнительно с оригиналами: *юсы* и *йотированные буквы* передаются через *у, ю, а, я; і* заменяется *и; оу — у, ук — у;* надстрочные написания внесены в строку; титла раскрыты. Внесенные в текст И 1 исправления заключены в прямые скобки [ ].

Первая группа подстрочных примечаний содержит варианты к основной рукописи; ниже помещены эпизоды Слова о полку Игореве, отраженные в тексте Задонщины. Текст Слова дан в чтении академика А. С. Орлова („Слово о полку Игореве". М.—Л., 1938; 2-е изд., 1946).[3]

---

[1] Изд. Моск. ордена Ленина Гос. университета им. М. В. Ломоносова, М., 1947, стр. 202.

[2] Там же, стр. 203.

[3] Первый опыт восстановления авторского текста Софонии сделан был мною в 1943 г. и издан в приложении к статье „«Слово о полку Ігоревім» і «Задонщина»" (Радянське літературознавство, 7—8, Київ, 1947, стр. 179—186). В настоящем издании внесен ряд поправок к этому опыту: включен эпизод, описывающий бегство Мамая, в заглавие внесено имя автора, не переставлен эпизод „Черна земля..."; есть отличия и в отдельных чтениях. Текст предисловия, возможно также принадлежащего Софонии, издан при второй редакции Задонщины в т. V. „Трудов ОДРЛ".

I

[1]Слово о великом князе Дмитрее Ивановиче и о брате его князе Владимере Андрѣевиче.[2] Писание Софониа старца рязанца[3]

[4]Князь великий Дмитрей Ивановичь с своим братом с княземъ Владимером Андрѣевичем и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича. Вѣдомо намъ, [братие милыи],[5] [што де][6] у быстрого Дону царь Мамай пришел на Рускую землю, а идет к намъ в Залѣскую (л. 170) землю. Пойдем, брате, тамо в полунощную страну, жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися Русь [православная].[7] Взыдем на горы Киевския и посмотрим [славнаго][8] Непра и посмотрим по всей земли Руской и отоля на восточную страну жребий Симов, сына Ноева, от него же родися Хиновя поганые, татаровя, бусурманóвя.

Тѣ бо на рекѣ на Каялѣ одолѣша родъ Афѣтов. И отоля Руская земля (л. 170 об.) сѣдитъ невесела, а от Калатьския рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрышася, плачющися, чады своя поминаю[чи].[9] Князи и бояря и удалые люди, [оставимте][10] вся домы своя и богатество, жены и дѣти и скот, честь и славу мира сего [получити],[11] главы своя положи[ти][12] за землю за Рускую и за вѣру християньскую. Собѣ[13] бы чаем пороженых и воскормленых.[14]

(л. 171) Преже восписах жалость земли Руские и прочее, от ких приводя. Потом же списах жалость и похвалу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимеру Ондрѣевичю. Снидемся, братия и [дружины][15] и сынове Рускии, составим слово к слову, возвѣселим Рускую землю и возвѣрзем печаль на восточную страну в Симов жребий и воздадим поганому Мамаю побѣду, (л. 171 об.) а великому князю Дмитрею Ивановичю похвалу и брату его князю Владимеру Андрѣевичю и рцем таково слово.[16]

(л. 215 об.) Лутче бо [нам][II 1] ест, братие, нача[ти][2] повѣдати инѣми словесы о похвалных о нынешних повестех о[3] полку [великого][4] князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Ондрѣевича, правнука святого великого князя Владимера киевскаго. Нача[ти][5] повѣдати по дѣлом

1–2 *Заглавие взято из списка У, где доб.:* яко побѣдили супостата своего царя Мамая 2–3 *Доб. К-Б* 4–16 *Следующее предисловие приводится по сп. У с исправлениями по сп. С, Ж.* 5 *Так Ж; здесь* брате 6 *Доб. С; Ж доб.* что 7 *Так С, Ж; здесь* преславная 8 *Так С, Ж.; здесь* с равнаго 9 *Исправляю: здесь* поминаюты; *Ж* поминаю вы 10 *Так Ж; здесь* иже оставища 11 *Так Ж; здесь* получивши 12 *Исправляю; здесь, Ж* положиша 13–14 *Эта фраза остается неясной; Ж* а собѣ бы чая пожженных вскормленных 15 *Так Ж; здесь* други 16 *И 1* рци того

II 1 *Доб. У* 2 *Доб. У* 3 *Здесь* от; *С* а 4 *Доб. У* 5 *Здесь* начаша; *У* начаша ти

[и по былинам].[6] Но [проразимся] мысл[ию][7] [по землям][8] и помянем первых лѣтъ времена и похвалим вѣща[го][9] [Бояна][10] гораздаго г[уд]ца[11] в Киевѣ. Тот [бо вѣщии Боянъ воскладая][12] гораздыя своя персты на живыа струны и пояше княземъ рускимъ славы: перв[ому][13] великому князю киевскому Игорю Рюриковичу,[14] великому князю Владимеру Святославичу,[15] великому (л. 216) князю Ярославу Володимеровичю.

[16] [Похвалим][17] пѣсньми и гусленымі [буйными][18] словесы и сего великого князя Дмитреа Ивановича и брата его князя Владимера Ондрѣевича правнука тѣхъ князеи, занеж [было][19] мужьствс их и [желание][20] за землю рускую и за вѣру крестьянскую.[21]

Сии бо князь великыи Дмитрей Ивановичь и брат его князь Владимер Ондрѣевич,[22] [истезавше][23] умъ свои крѣпостию и поостриша сердца своя мужством и наполнишася ратнаго духа и уставиша себе [храбрыа][24] полъкы в руськои земли и помянуша прадѣда своего князя Владимера[25] киевъскаго.

О жаворонокъ[26] птица, красных днеи утѣха, возлети под синии небеса, посмотри к силному граду Москвѣ, воспои славу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его (л. 216 об.) князю Владимеру Ондрѣевичю. [Ци][27] буря [соколи][28] [зонесет][29] из земли [Залѣския][30] в поле половецкое.

[Кони ръжут на Москвѣ],[31] звенит слава[32] по всеи земли рускои. Трубы трубят на Коломнѣ, в бубны бьют в Серпоховѣ, стоят стязи у Дону у великого на брези. Звонят колоколы вечныа в великом Новѣ-

---

6 *Так У; здесь* погыбелю 7 *Так У; здесь* потрезвимъся мысльми 8 *Здесь* и землями; *У* но землями 9 *Так К-Б; здесь* вѣща 10 *Так К-Б; здесь* боіа аго 11 *Так У, К-Б, С; здесь* гдуца 12 *Так К-Б; здесь* боюн воскладше 13 *Так К-Б, У С; здесь* первую славу 14 *Так К-Б, У, С; здесь доб.* 2 15 *Так К-Б, У, С; здесь доб.* киевском третюю 16 *Здесь доб.* и я же помяну Ефоня ерея резанца; *У* аз же помяну резанца Софония; *С* издеся помянем Софона резанца 17 *Так С; здесь* в похвалу; восхвалю *У;* восхваляя *К-Б* 18 *Так К-Б, С; здесь* и буяни; *проп. У* 19 *Так К-Б; здесь* отпало; отпало было *С* 20 *Так К-Б; здесь, У* пѣние их и князем руским; князем руским *С* 21 *Во всех списках доб. хронологическая выкладка:* От калагьския рати до Мамаева побоища лет 160 (*У* 170; *К-Б цифра проп.*) 22 *Так К-Б; доб.* помоляся богу и пречистеи богородицы *И 1, У, С* 23 *Так У, С; здесь* стяжав; ставше *К-Б* 24 *Так, У, С; здесь* храмныа 25 *Так К-Б, У, С; здесь доб.* Ондрѣевича 26 *Так К-Б; здесь, У, С доб.* лѣтьняа 27 *Так У; здесь* цег; а чи *С* 28 *Так У;* соколом *С; здесь* коли 29 *Так С; здесь, У* снесет 30 *Так У, С; здесь* залѣтъские 31 *Так К-Б, С; здесь, У* на Москвѣ кони ръжут 32 *Так К-Б, У, С; здесь доб.* руская

Слово о плъку Игоревѣ...

Не лѣпо ли ны бяшеть, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о пълку Игоревѣ... Начати же ся тъй пѣсни по былинам... растѣкашется мыслию... по земли... Помняшеть... първых временъ усобицѣ. Боян же... своя вѣщиа пръсты на живая струны въскладаше, они же сами княземь славу рокотаху... старому Ярославу... Мстиславу... Романови...

за землю Русскую... истягну умь крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы... за землю Руськую...

городѣ, стоят [мужи][33] новгородцы у святои Софѣи арькучи: Уже нам, братие, на пособе великому князю Дмитрию Ивановичу не поспѣть.

[34] Уже бо яко орлы слетѣшася [со всея полунощныя страны. То ти не орли слѣтошася],[35] съѣхалися вси князи руския к великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимеру Ондрѣевичю арькучи им таково слово:[36] [Господине князь великыи, уже погании татарове на поля на наши наступають, а вотчину нашю у нас отнимають, стоять межю Дономь и Днѣпромь, на рицѣ на Мечѣ. И мы, господине, (л. 217) поидемъ за быструю рѣку Донъ, укупимъ землямъ диво, старымъ повѣсть, а младымъ памят],[36] а храбрых [своих][37] испытаем[38] за земълю рускую и за вѣру крестьяньскую.

И рече имъ княз великыи Дмитрей Иванович: Братья и князи руския, гнѣздо есмя великого князя Владимера киевъскаго. Ни в обиди есмя были [по рожению[39] ни соколу],[40] ни кречету, ни черному ворону, ни поганому Мамаю.

О соловеи, лѣтьняа птица, что бы ты, соловей, выщекотал[41] [земли Литовской][42] дву братов Олгердовичев, Ондреи да брат его Дмитреи Олгердовичев, да Дмитреи Волынскыи. Тѣ бо суть сынове храбрии, кречати в ратномъ времени, ведоми полководцы,[43] под трубами [повити][44] и под шеломы возлелияны, [конець копия вскормлены][45] в Литовъскои земли.

И молвяше Ондрѣи Олгердович брату своему Дмитрию:

(л. 217 об.) [Сама есма][46] себѣ два брата [сынове Олгордовы],[47] а внукы есмя Едимантовы, [а правнуки есми Сколомендовы].[48] Изберем

---

[33] *Так К-Б, У, С; здесь* люди [34] *Так К-Б; здесь, У, С этот эпизод связан фразой* и как слово изговаривая — *с рассказом о выезде из Новгорода 70 000 войска на помощь великому князю* [35] *Так К-Б; здесь, У, С сообщение о выезде новгородцев* [36—36] *Так К-Б; здесь, У, С эта речь разбита на две части и вторая ее часть приписана великому князю; К-Б описка* — Чечѣ, *исправляю согласно* И 1, У [37] *Так У; здесь* плечевъ [38] *Так К-Б, С; здесь, У доб.* а рѣку Дон кровю пролем [39] *Доб. У* [40] *Доб. К-Б* [41] *Так К-Б, С; здесь доб.* великому князю Дмитрию Ивановичю из земли тои всеи и; *У доб.* славу великому князю Дмитрею Ивановичу и брату его князю Владимеру Ондреевичю [42] *Доб. У* [43] *Здесь* полковидцы; *У* полеводцы. [44] *Здесь, У проп.; К-Б* поють; *С* нечистих; *исправлено согласно Слову о полку Игореве* [45] *Доб. К-Б; С испорчено*: кочаны конеи воскормлены; *здесь, У проп.: К-Б доб.:* на щитѣ рожены... с востраго меча поены; *С доб.* с коленых стрел воспоены. [46] *Так К-Б; здесь, У, С* сами есми [47] *Доб. К-Б, У, С* [48] *Доб. К-Б, У*

Не буря соколы занесе чрез поля... комони ржуть за Сулою, звенить слава въ Кыевѣ. Трубы трубять въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ... у Дону великаго... аркучи... княже ми непособие... не худа гнѣзда... Ольгово хороброе гнѣздо, не было оно обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, чрѣныи воронъ, поганыи половчине... О Бояне, соловию... абы ты сиа плъкы ущекотал... свивая славы... свѣдоми къмети: под трубами повити, подъ шеломы възлѣѣяни, конець копия въскръмлени...

братью милую пановеи удалыи Литвы, храбрых удальцевъ, и сами сядем на борзыя своя комони, посмотримъ быстрого Дону, [испиемь, брате, шеломомь своимь воды быстрого Дону],[49] испытаем мечевъ своих литовъскых о шеломы татарскыя, сулицъ немецъкых о[50] баиданы бесерменьскыя.

И рече ему Дмитреи: Брате Ондрѣи, не пощадим живота своего [за землю за рускую и за вѣру крестьяньскую][51] и за обиду великого князя Дмитриа Ивановича. Уже бо, брате, стук стучить, громъ гримит в каменѣ градѣ Москвѣ. [То ти, брате, не стукъ стучить, ни гром гремит],[52] стучить силная рат великого князя [Дмитрия Ивановича],[53] гремят удальцы рускыя золочеными доспехы, черлеными щиты. Седлаи, брате Ондреи, свои борзыи комони, а мои готовы, [напреди твоих осѣдлани].[54] [Выедем],[55] брате, на чистое поле, посмотримъ своих полъковъ.[56]

Уже [бо][57] возвеяша силнии вѣтри (л. 218) [с моря][58] на усть Дону и Непра, прилѣтѣяша[59] великиа тучи[60] на Рускую землю, из них выступают кровавыя зори, и в нихъ трепещуть [синие][61] молнии. Быти стуку [и грому][62] велику на рѣчьки Направдѣ меж Дономъ и Непром, пасти трупу человѣчью на полѣ Куликовѣ, пролитис кровѣ на рѣчькы Направдѣ.

Уже бо въскрипѣли телегы меж Дономъ и Непромъ, идут хинове в Руськую землю. И притекоша сѣрые волцы от усть Дону и Непра, ставъши [воют][63] на рецы на Мечи, хотят наступати на рускую землю. То ти [были][64] не сѣрые волцы, но приидоша погании татарове, [проити][65] хотят воюючи [всю][66] Рускую землю.[67]

Тогда гуси возгоготаша на рѣчкы на Мечи, лебеди крилы [въсплескаша].[68] То ти[69] ни гуси возгоготаша, [ни лебеди крилы въсплескаша],[70]

---

[49] *Так К-Б;* сопием шеломом воды *С; проп. У; здесь* изобьем шоломы мечи [50] *Доб. У, С* [51] *Так У, С; проп. К-Б; здесь* за крестьяны [52] *Доб. К-Б, С* [53] *Доб. К-Б, С;* великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андреевича *У* [54] *Доб. К-Б* [55] *Доб. У, С* [56] *Здесь, У, С доб. счет литовского войска:* толко, брате, князь Дмитреи, с нами храбрые Литвы 70 000; *К-Б нет всего эпизода, начиная со слова* „выедем..." [57] *Так К-Б; здесь, У, С* брате [58] *Так К-Б; здесь, У* по морю [59] *Так К-Б, У; здесь* прилѣлѣяшася [60] *Так У; здесь доб.* по морю [61] *Так К-Б; здесь У, С* силнии [62] *Доб. К-Б* [63] *Так К-Б У, С; здесь* воюют [64] *Так К-Б, У; здесь* было [65] *Так К-Б, У, С; здесь* приити. [66] *Так К-Б, У; здесь* в [67] *Так К-Б, У, С; здесь доб.* погании татарове [68] *Так К-Б, У, С; здесь* въслескаша [69] *Доб. К-Б* [70] *Доб. К-Б*

оба есвѣ Святъславличя... а всядемъ, братие, на свои бързыя комони, да позримъ синего Дону... испити шоломомь Дону... о шеломы половецкыя... сулицы... за обиду сего времени... гримлют сабли о шеломы... чрълеными щиты... Сѣдлаи, брате, свои бръзыи комони... а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди... и поѣха по чистому полю... се вѣтри... вѣютъ съ моря стрѣлами... кровавыя зори свѣтъ повѣдают... чрьныя тучи съ моря идутъ, а въ нихъ трепещутъ синии мълнии... Быти грому великому... крычатъ тѣлѣгы...

но поганыи Мамаи на Рускую землю пришел, а [вои][71] своя привел. А уже беды их [пасоша][72] птица[73] крилати под облакы (л. 218 об.) летають, ворони [часто][74] грають, а галицы своею рѣчью говорять, орлы [восклегчють],[75] а волци грозно [воють],[76] а лисицы на кости брешут. Руская земля, то ти ест как за Соломономъ царемъ [побывала].[77]

А уже соколы и [кречати],[78] белозерския ястребы рвахуся от златых колодец ис каменнаго града Москвы, возлетѣша под синии небеса, возгремѣша золочеными колоколы на быстром Дону, [хотят ударити на многие стады гусиныя и на лебединыя, а богатыри руския удалцы хотят ударити на великия силы поганого царя Мамая].[79] Тогда князь великыи въступи въ златое стремя.[80] Солнце ему ясно на въстоцы сияетъ, [путь повѣдаетъ].[81]

Что [ми][82] шумит, что гримит рано пред зарями? Князь Владимеръ [Ондрѣевич полки][83] уставливаетъ и пребирает и ведет к Дону великому. И молвяше брату своему: Князь Дмитреи, не ослабяи, князь великыи, татаромъ. [Уже бо][84] поганыи поля наступают, отимають отчину нашу.

Рече ему (л. 219) князь [великии][85] Дмитреи Иванович: Брате князь Владимере Ондрѣевич, сами себѣ есмя два брата, воеводы у насъ уставлены,[86] дружина нам свѣдома, имѣемъ под собою боръзыя комони, а на себѣ золоченыя доспѣхы, а шеломы черкасьские, а щиты московъскые, а сулицы [немѣцкие],[87] а [копии фрязския],[88] мечи булатныя,

---

[71] *Так К-Б; здесь, У, С* воеводы [72] *Так У;* пасущеся *К-Б;* пашутся *С; здесь* пловуще [73] *Так К-Б, У, С; здесь доб.* их [74] *Доб. У, С* [75] *Так К-Б; здесь* крилатии въсплещут. [76] *Так К-Б, У, С; здесь* воюють [77] *Так У; здесь* побывало [78] *Доб. К-Б, С* [79] *Доб. С; с этим добавлением описание соколиной охоты цитируется и в Сказании третьей редакции* [80] *Здесь, У, С доб.:* взем свой меч в правую руку свою. помоляся богу и пресвятии богородицы; *К-Б упоминания о молитве нет; в списках Сказания нет всей фразы — о мече и молитве* [81] *Доб. К-Б, У, С. Во всех списках дальше доб.:* а Борис и Глѣбъ молитву воздает за сродникы; *Сказание опускает эту вставку* [82] *Восстанавливает А. Смирнов из испорченного чтения С* што пишут, *в котором он предполагает недописанное* што ми шумит — *3-й список Задонщины, Варшава, 1890, стр. 14, прим. 36.* [83] *Так К-Б, У; С* полки; *здесь* пакы [84] *Доб. У, С;* уже *К-Б* [85] *Доб. У, С* [86] *Здесь, У, С следует перечень воевод; вторичность в тексте этого эпизода доказывается тем, что после него снова переписана предшествующая ему фраза:* воеводы у нас уставлены; *К-Б опущена вся речь великого князя* [87] *Так У, С; здесь* ординские [88] кофыи фразския *С;* кинжалы фряские *У; здесь* чары франьския; *исправлено по „Поведанию и сказанию" типа текста, изданного И. Снегиревым*

въсплескала лебедиными крылы... Игорь къ Дону вои ведетъ... избивая гуси и лебеди... Уже бо бѣды его пасетъ птиць по дубию; вълъци грозу въсрожатъ... орли клектомъ на кости звѣри зовутъ; лисици брешутъ на чръленыя щиты... а галици свою рѣчь говорятъ... О Русская земле! уже за шеломянемъ еси. Тогда въступи Игорь князь въ златъ стременъ... солнце ему тьмою путь заступаше... свет повѣдают... Что ми шумитъ, что ми звенитъ далече рано предъ зорями. Игорь плъкы заворочаетъ... къ Дону вои ведетъ... къ Дону великому...

[а дороги нам сведомо],[89] а перевозы имъ изготовлены, но еще хотят силно главы своя положити за вѣру крестьянскую. Пашут бо ся хорюгове, ищут себе чести и славнаго имени.

Уже [бо][90] тѣ соколѣ и кречеты, [белозерскыя ястреби[91] борзо][92] за Дон [перелѣтѣли и ударилися о многие стада гусиные и лѣбѣдиные. То ти][93] наѣхали рустии сынове (л. 219 об.) на силную рат татарьскою, ударишас копи [харалужными][94] о доспехы татарскыа, възгремѣли мечи булатныя о шеломы хиновския на полѣ Куликовѣ на рѣчки Направдѣ.

[95] Черна земля под копыты, костьми татарскими поля [насѣяны],[96] а[97] кровью [полиано].[98] Силнии полкы съступалися вмѣсто, протопташа холми и лугы, [возмутишася][99] реки и езера, кликнуло диво в Рускои земли, велит послушати рожнымь[100] землям, шибла слава к Желѣзнымъ вратом, к Риму и к Кафы по морю и к Торнаву, и оттоле к Царюграду, на похвалу. Русь великая одолѣша Мамая на полѣ Куликовѣ.[101]

Тогда бо силнии тучи съступалися въместо, [а из них часто сияли][III 1] молнии, громи гремѣли велицѣ. То ти съступалися рускии сынове с погаными татары за свою обиду. А в них сияють доспех[и][2] золочены[е],[3] гремѣли князи рускиа мечи [булатными][4] о шеломы хыновскыа.[5]

---

[89] *Так С; здесь* и молвяше: поганыи путь имъ знаем вельми; *К-Б, У проп.* [90] *Так У, С; здесь* бѣ [91] *Доб. К-Б, С* [92] *Дэб. К-Б, У* [93] *Так К-Б, У, С;* гусиные *восстановлено по К-Б, где* гуси, *а в С* силные, *У это слово проп.; здесь вместо всей фразы* перевезлис и [94] *Так К-Б;* фарлужными *У; здесь* харауж-ничьными [95—101] *Списки Сказания о Мамаевом побоище 3-й редакции поместили этот эпизод в описание радости русских после разгрома Мамая; такое размещение находим и в списке Оболенского 70 (93), содержащем большую вставку из Задонщины (изд. С. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, стр. 117). Однако говорить с уверенностью, что и Софония рязанец там же поместил этот эпизод, мешает то, что предыдущий эпизод Задонщины сделан по плану того самого описания боя русских с половцами, которое в Слове непосредственно предшествует отрывку* „Черна земля..." *Не исключена поэтому возможность, что перенос эпизода в конец повести о Куликовской битве сделан уже редактором Сказания.* [96] *Так К-Б; здесь, У* насѣяша [97] *Доб. У* [98] *Так К-Б, здесь* земля пролита; *У* земля пролита бысть [99] *Так У, С; здесь* возмутис [100] *Так К-Б; здесь* грозъ-нымъ; *С* грозна

[III 1] *Так У, С; здесь* силнии [2] *Так У, С; здесь* ы [3] *Так У, С; здесь* ыми [4] *Доб. У, С* [5] *Здесь, У, С доб. относящееся ко второй редакции календарное указание:* Из утра билися до полудни в суботу на рожество святыи богородицы

оба есвѣ Святъславличя... свѣдоми... борзыя комони... шеломы... сулицы.. мечи... пути имь вѣдоми... хощу главу свою приложити... ищучи себе чти а князю славѣ... ни соколу ни кречету... избивая гуси и лебеди... гримлють сабли о шеломы, трещать копиа харалужныя в полѣ незнаемѣ... гремлеть о шеломы мечи харалужными... чрьна земля подъ копыты костьми была посѣяна а кровию польяна... бяшеть притрепалъ своими силными плъкы... наступи на землю Половецкую, притопта хлъми и яругы; взмути рѣкы и озеры... поють славу Святъславлю... Дивъ кличетъ врьху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ поморию...

(л. 220) Не тури [возрыкають][6] на полѣ Куликовѣ побѣжени у Дону великого, взопаша[7] посечены князи рускыя [и бояры][8] и воеводы великого князя и князи белозерстии, посечени от поганых татар: Федор Семеновичь, Тимофѣи Волуевич, Семен Михайлович, Микула Васильевич, Ондрѣи Сер[к]изович,[9] [Михайло][10] Иванович и иная [многая дружина],[11] а иные лежат посечены у Дону на брези.

Черньца Пересвѣта [бранского боярина привели на судное место. Говорит Пересвет чернец][12] великому князю Дмитрию Ивановичу: [луче бы нам потятым быть, нежели][13] полоняным [быть][14] от поганых. Тако бо Пересвѣт поскакивает на борзе кони, [свистомь поля перегороди],[15] а злаченым доспѣхом посвѣчива[ет].[16] [И рече]:[17] Добро бы, брате, в то время стару помолодѣтся, а [молодому чести добыти],[18] удалым плечь попытати. И молвяше брат его Ослабе черънецъ: Брате Пересвѣт, [уже][19] вижу на тѣли твоем раны [тяжкие],[20] уже головѣ твоеи летѣти на траву ковыл, а чаду моему Якову (л. 220 об.) на ковыли [зеленѣ][21] лежати на поли Куликовѣ за вѣру христьянскую и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича.

В то время по резанскои земли около Дону [ни ратаи][22] ни пастуси [не][23] кличут, но [часто][24] воронѣ грають, [зогзици кокують][25] трупу ради человѣчьскаго. Грозно бо бяше и жалостьно тогда [видети],[26] зане трава кровью пролита, а древеса [тугою к земли][27] преклонишася.

Въспѣли бяше птицы жалостные пѣсни, вси въсплакались [кнегини и][28] болярыни и[29] воеводины жены о[29] избьенныхъ. Микулина жена Василевича да Марья Дмитриева рано плакашася у Москвы [града][30] на забралах аркучи: Доне, Доне, быстрая рѣка, [ты][31] [пробил][32] еси горы каменныя, течеши в землю [половецкую],[33] прилилѣи моего государя къ мнѣ Микулу Васильевича.

---

[6] *Так К-Б; здесь, У* возгремѣли; возрули *С* [7] *Так К-Б; здесь, У* то ти не туры побежени [8] *Доб. У* [9] *Так У, С; здесь* п [10] *Так С; здесь* Микула [11] *Доб. К-Б, У, С. Последняя фраза* — „а иные..." *в списках И 1, У ошибочно помещена после рассказа о Пересвете; переписчик И 1 заметил эту ошибку и против слова* иная *на полях поставил крестик, обозначающий пропуск* [12] *Доб. У, С* [13] *Так У; здесь* посеченным пасти, а не; *С* нам, господине, посеченым быти, нижли [14] *так С; здесь* въспѣти. [15] *Доб. К-Б* [16] *Так У; здесь* ше [17] *Доб. С* [18] *Доб. С.* [19] *Доб. К-Б* [20] *Доб. К-Б;* великие *У;* многия *С* [21] *Так У, С; здесь* землине [22] *Доб. У, С* [23] *Доб. К-Б, У, С* [24] *Так К-Б, С; здесь, У* однѣ [25] *Доб. К-Б* [26] *Так С; здесь, У* слышати [27] *Так У, И, 2; здесь* к земли тугою [28] *Так У, С, И, 2; здесь* кнеи [29] *Доб. У, И 2* [30] *Так У, С, И 2; здесь* брега [31] *Доб. У* [32] *Так К-Б; здесь* прирыла; *У, С, И 2* прорыла [33] *Так К-Б, У, С, И 2; здесь* повецкую

гремлеши о шеломы мечи харалужными... не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури ранены саблями каленими на полѣ незнаемѣ. Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе... луце ж бы потяту быти, неже полонену быти... скочи къ граду... кликом поля прегородиша... златым шеломом посвечивая... а чи диво ся, братие, стару помолодити... и на ковылу зелену паполому постла... на кроваве траве притрепан... по ковылию развея...

Тимофѣева жена Волуевича Федосья так плакася аркучи: [Се][34] уже веселе [мое][35] пониче въ славнѣ гради Москвѣ, уже [бо][36] не вижу своего государя Тимофея Волуевича в животѣ.

Да Ондрѣева жена Марья (л. 221) да Михаилова [жена][37] Оксѣнья рано плакашася: Се уже нам обема солнце померк[ло][38] [въ][39] славнѣ гради Москвѣ. Припахнули к нам от быстрого Дону поломяныа[40] вѣсти, носяще[41] великую беду. Выседоша [руские][42] удалцы з боръзыхъ конеи на судное мѣсто на полѣ Куликовѣ. А уже диво кличеть под саблями татарскыми, [а тѣм рускымъ богатырем под ранами].[43]

Туто щурове рано въспѣли жалостные пѣсни у Коломны [города][44] на забралах.[45] То ти было не щурове рано въспѣша жалостныя пѣсни, всѣ въсплакалися жены коломенскыя, [аркучи таково слово]:[46] Москва, Москва, быстрая рѣка, чему еси у нас мужи наши залелѣяла в земълю половецъкую? Арькучи: Можеши ли, господине князь великыи, веслы Непра [зоградити],[47] а Дон [шеломы][48] вычерпати, а Мечю трупы татарскыми запрудити? Замъкни, князь великыи, [Оке реке][49] ворота, чтобы потомъ поганые к намъ (л. 221 об.) не ѣздили, уже бо мужи наши рати трудили.[50]

И нукнувъ князь Владимеръ [Андрѣевич с правыя рукы на по[га]ного Мамая с своим князьмъ Волыньскымъ 70-ю тысящами],[51] гораздо скакаше по рати поганым, златым шеломом посвѣчиваше. Гремят мечи булатныа о шеломы хыновскые. [И][52] въсхвал[ит][53] брата своего: Брате, князь Дмитреи, [то ты][54] еси у зла [тошна][55] времени желѣзная забрала. Не уставаи, князь,[56] с своими великими полкы, не потакаи

---

[34] *Доб. У, И 2* [35] *Доб. У, С, И 2* [36] *Доб. И 2* [37] *Доб. У* [38] *Так У, С, И 2; здесь* не [39] *Так У, С, И 2; здесь* на [40] *Так У, С, И 2; здесь* н [41] *Так У, С, И 2; здесь* у [42] *Доб. И 2* [43] *Доб. И 2;* а тым богатырем слава и честь и веч[на]я памят от бога милость *С* [44] *Доб. С* [45] *Так У; здесь, С доб.* на воскресение на Акима и Аннинъ день [46] *Доб. И 2; С доб.* и рекучи тако [47] *Так С; здесь* запрудити [48] *Так С, И 2; здесь* шлемомь [49] *Так У;* Оки *И 2;* отчин *С; здесь* от сих [50] *Здесь, У, С, И 2 доб. хронологическая справка:* того день святая богородица исѣкоша христьяне поганыя полкы на полѣ Куликовѣ на рѣчки Направдѣ; *И 2 эта выкладка отнесена к предыдущему эпизоду.* [51] *Доб. И 2; У, С доб.* Андреевич. [52] *Доб. У, С, И 2* [53] *Так У, С, И 2; здесь* яа [54] *Так С; здесь* что ти ест; то *И 2* [55] *Доб. У, С, И 2* [56] *Во всех списках ошибочно доб.* великый, *хотя великий князь в действиях засадного полка не участвовал, и речь идет о Дмитрии Волынском, женатом на сестре великого князя, поэтому обращение к нему „брат" возможно*

Тогда по Рускои земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, но часто врани граяхуть, трупиа ссбѣ дѣляче... земля... кровью польяна... ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось... зегзицею кычеть... жены Рускыя... въсплакашась... Ярославна рано плачет... на забрале аркучи: О Днепре Словутицю! Ты пробил еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую... Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ... Веселие пониче... А уже не вижу... брата моего... два солнца помѣркоста... ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощиево... Се у Римѣ кричать подъ саблями Половецкыми, а Володимеръ подъ ранами... Дивъ кличетъ врьху древа... на забрале... ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти... затворивъ Дунаю ворота...

[лихим][57] крамолником, [уже бо][58] поганыя поля наша наступают, а храбрую дружину [у нас стрѣляли].[59] Уже бо, брате, жалостно видѣти крови крестьянскои.[60]

Рече князь [Дмитрий][61] своим бояромъ: Братья бояре и воеводы, дѣти боярскые! то ти, братие, [не наши][62] московъскыя сластныя меды и великия мѣста. [Туто добудете себѣ мѣста и][63] своим женам. Туто стару помолодится, а молоду чти добыти.

И тогда яко [соколи][64] отлетѣша на быстрыи Донъ. То тѣ не [соколи][65] полетѣша за быстрыи Донъ, поскакивает князь [Дмитрий][66] с своими полкы за Дон съ всею силою. [И рече].[67] Брате князе Владимере, туто испити медвеная чаша [поведеные].[68] Наступаемъ, брате, с своими силными полкы на рат поганых.

Тогда князь[69] поля наступает. Гремят мечи [булатные][70] о шеломы хиновъския, поганыи покрыша руками главы своа. Тогда погании [боръзо вспять][71] отступиша от князя. [Стязи][72] ревуть, а[73] поганыи бежать. Рускии сынове поля широкыи кликом огородиша, золочеными [доспѣхи][74] осветиша. (л. 222 об.) [Уже бо][75] въсталъ туръ [на боронь].[76]

Тогда князь[77] полки[78] поганых [вспять][79] поворотил и [нача их бити гораздо],[80] тоску имъ подаваше. Князи их [падоша][81] с конеи.[82] Трупы татарскими поля насѣяша, а кровию протекли рѣкы. Туто ся погании разлучишася боръзо, розно побѣгши неуготованными дорогами в лукоморье, а скрегчюще зубы своими и дерущи лица своа, аркучи: Уже нам, братие, в земли своеи не бывати, а дѣтеи своихъ не выдати, [а катунь своих не трепати, а целовати нам зелена мурава],[83] а в Русь ратью не ходити, а выхода нам у рускихъ князей не прашивати.

---

[57] *Доб. И 2.* [58] *Так У;* уже *И 2; здесь* поганыя бо [59] *Так И 2; здесь* теряли [60] *Так У; здесь, С, И 2 повторено:* не уставаи, князь великыи, съ своими бояры [61] *Во всех списках снова назван ошибочно* великий князь Дмитрий Иванович [62] *так С; здесь* ваши; *И 2* вам [63] *Так У; здесь* себѣ; *И 2* туто, братие, себѣ; *С свободно пересказывает весь эпизод* [64] *Так И 2; здесь* орлы [65] *Так И 2, У; здесь* орлѣ [66] *во всех списках* князь великий Дмитрий Иванович [67] *Доб. У* [68] *Доб. И 2* [69] *Везде доб.* великий [70] *Доб. У, И 2* [71] *Так И 2;* борзо вся *У; здесь* назад [72] *Так У, И 2; здесь* князю [73] *Так У; здесь, И 2 доб.* отступишася от великого князя [74] *Так У, И 2; здесь* шлемы [75] *Доб. У;* уже *И 2* [76] *Так И 2;* на оборо *У; здесь* оборень [77] *Здесь доб.* великии; *У, И 2 доб.* великии Дмитрий Иванович и брат его князь Володимер Андреевич. [78] *Доб. У, И 2* [79] *Так И 2, У; здесь* назад; *здесь, И 2 доб.* победил [80] *Так И 2; здесь* гораздо на них и бьет горко; *У* и нача их бусорманов бити и сечи горазно без милости [81] *Так У;* спадоша *И 2; здесь* падошася [82] *Так И 2; здесь доб.* к земли; *У доб.* загремели [83] *Доб. И 2.* камо, тур, поскочяше, своим златым шеломомъ посвѣчивая... стязи глаголють... яр туръ... стоиши на борони... тоска разлияся... посѣяни костьми руских сынов...

А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому... изъ луку моря... Ту ся брата разлучиста... аркучи: Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити... а злата и сребра ни мало того потрепати...

А уже бо въстона[84] земля татарская, бедами и тугою покрышася. Уныша бо царемъ их хотѣние и похвала на Рускую землю ходити, веселие их пониче. Уже рускиа сынове разграбиша татарская узорочья, доспехи и кони, волы и велблуды, вино, сахарь, дорогое узорочье, камкы, насычеве (л. 223) везут женам своимъ. Уже жены рускыя въсплескаша татарьским златомъ. Уже [бо по][85] Рускои земли простреся веселье и [буйство][86] и възнесеся слава руская на поганых хулу. Уже веръжено диво на землю. Уже грозы великого князя по всеи земли текуть. Стрѣляй, князь великый, по всѣм землям. Стрѣляй, князь великый, с своею храброю дружиною поганого Мамая хиновина за землю Рускую за вѣру христьяньскую. [Уже][87] поганы[е][88] оружие свое поверъгоша, [а][89] главы своя[90] подклониша подъ мечи руския. Трубы ихъ не трубятъ, уныша [гласи ихъ].[91]

И отскочи [поганый][92] Мамай сѣрым волком от своея дружины и притече к Кафы граду. И молвяше ему фрязове: чему ти, поганыи Мамаи, [посягаешь][93] на Рускую землю? То ти была орда Залѣская, времена первыи. А не быти тебѣ в Батыя царя. [У Батыя царя было][94] 400 000 вою, воевалъ всю Рускую землю и плѣнил от встока и до запада. А казнилъ богъ Рускую землю за съгрешение. И ты пришелъ [царь][95] Мамаи на Рускую землю съ многими силами, съ девятю ордами, съ 70 князьми. А ныне бежишь самъ девятъ в лукоморье, [не с кем тебѣ зимы зимовати в полѣ. Нѣшто тобя князи руские горазно подчивали, ни][96] князеи с тобою нѣтъ ни воеводъ? Нѣчто гораздо упилися на полѣ Куликовѣ на травѣ ковыли? Побежи, поганыи Мамаи, и от насъ по Задлѣшью.[97]

---

[84] *Так У; здесь* въстонала [85] *Доб. У* [86] *Доб. У* [87] *Так У; здесь* у [88] *Так У; здесь* хъ [89] *Доб. У* [90] *Так У; здесь доб.* и [91] *Так У; здесь повторено* бо царемъ ихъ хотѣние [92] *Доб. У* [93] *Доб. У* [94] *Так У; здесь* царь Батыи былъ. [95] *Так У; здесь* князь [96] *Так У; здесь* в поле тобя князи рускыя гораздо упилися и [97] *Вероятно испорченное* Залесью.

А въстона бо, брагие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастьми... Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче... всякыми узорочьи... готьскыя красныя дѣвы... звоня Рускымъ златомъ... По Рускои земли прострошася половци... и великое буйство подаста Хинови (*ср.* хотя птицю въ буйствѣ одолѣти)... Уже снесеся хула на хвалу... уже връжеся Дивъ на землю... Грозы твоя по землямъ текутъ... Стреляй, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую... сулицы своя повръгоша, а главы своя подклониша подъ тыи мечи харалужныи... Трубы трубят... уныли голоси, пониче веселие... Всеславъ... скочи от ныхъ лютымъ звѣремъ... скочи влъкомь до Немиги... влъкомъ рыскаше... Игорь.... скочи съ него бусым влъкомъ... Влуг[illegible] влъкомъ по е[illegible]е...

II

1. КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ СПИСОК[1]

Писание Софониа старца рязанца благослови отче: Задонщина великого князя господина Димитрия Ивановича и брата его князя Володимера Ондрѣевича

Поидемъ, брате, в полуночную стра(л. 122 об.)ну жребии Афетову сына Ноева, от него же родися Русь преславная. Оттоле взыдемь на горы киевьскыя. Первѣе всѣхъ вшедъ восхвалимь вѣщаго го Бояна в городѣ в Киевѣ, гораздо гудца. Тои бо вѣщии Боянъ воскладая свои златыя персты на живыя струны, пояше славу русскыимь княземь, первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю и Святославу Ярославичю Ярославу Володимеровичю, восхваляя ихъ пѣсми и гуслеными буиными словесы на русскаго господина князя Дмитриа Ивановича и брата его князя Володимера Ондрѣ(л. 123)евича, занеже ихъ было мужество и желание за землю руссьскую и за вѣру христианьскую.

От тоя рати и до Мамаева побоища.

Се азъ князь великыи Дмитрии Иванович и братъ его князь Володимеръ Ондрѣевич поостриша сердца свои мужеству, ставше своею крѣпостью, помянувше прадѣда князя Володимера киевьскаго, царя русскаго.

Жаворонокъ птица, въ красныя дни утѣха, взыди под синие облакы, пои славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его Володимеру Ондрѣевичю. Они бо взнялися какъ соколи со (л. 123 об.) земли русскыя на поля половетция.

Кони ржуть на Москвѣ, бубны бьють на Коломнѣ, трубы трубят в Серпуховѣ, звенить слава по всеи земли руссьскои, чюдно стязи стоять у Дону великого, пашутся хоригови берчати, свѣтяться калантыри зачены, звонят колоколи вѣчнии в великом в Новѣгородѣ. Стоять мужи наугородци у святыя Софии аркучи такову жалобу. Уже намь, брате, к великому князю Дмитрею Ивановичю на пособь не поспѣти.

Тогды аки орли слѣтошася со всея полунощныя страны. То ти (л. 124) не орли слѣтошася, съѣхалися всѣ князи русскыя к великому князю Дмитрию Ивановичю на пособь, аркучи такъ: господине князь великыи, уже поганыи татарове на поля на наши наступають, а вотчину нашю у нас отнимають, стоять межю Дономь и Днѣпромь, на рицѣ на Чечѣ. И мы, господине, поидемь за быструю рѣку Донъ, укупимь землямь диво, старымь повѣсть, а младымь память.

Тако рече князь великыи Дмитрие Иванович своеи братии русскимь княземь: братьеца моя милая, русские князи, гнѣздо есмя были (л. 124 об.) едино князя великаго Ивана Данильевича. Досюды есмя были, брате, никуды не изобижены, ни соколу, ни ястребу, ни бѣлу кречату, ни тому псу поганому Мамаю.

---

[1] *№ 9/1086, 1470-х гг. Гос. Публ. библ. в Ленинграде.*

Славии птица, что бы еси выщекотала сиа два брата, два сына Вольярдовы, Андрѣя половетцаго, Дмитриа бряньскаго, ти бо бяше сторожевыя полкы, на щитѣ рожены, под трубами поють, под шеломы възлелѣаны, конець копия вскормлены, с востраго меча поены в Литовьскои земли.

Молвяше Андрѣи к своему брату Дмитрею: сама есма два брата (л. 125) дѣти Вольярдовы, внучата Едиментовы, правнучата Сколдимеровы. Сядемь, брате, на свои борзи комони, испиемь, брате, шеломомь своимь воды быстрого Дону, испытаемь мечи свои булатныя. Уже бо, брате, стукъ стучить и громъ гремить в славнѣ городѣ Москвѣ. То ти, брате, не стукъ стучить, ни гром гремит, стучить силная рать великаго князя Ивана Дмитриевича, гремять удалци золочеными шеломы, черлеными щиты. Сѣдлаи, брате Ондрѣи, свои борзи комони, а мои готови напреди твоих осѣдлани.

(л. 125 об.) Уже бо всташа силнии вѣтри с моря, прилелѣяша тучю велику на усть Нѣпра, на русскую землю. Ис тучи выступи кровавыя оболока, а из нихъ пашють синие молньи. Быти стуку и грому велику межю Дономь и Нѣпромь, идеть Хинела на русскую землю. Сѣрие волци воють, то ти были не сѣрие волци, придоша поганые татарове, хотять проити воюючи, взяти всю землю русскую.

Тогда же гуси гоготаше, и лебеди крилы въсплескаша. То ти не гуси гоготаша, ни лебеди крилы въсплескаша, се бо (л. 126) поганыи Мамаи приведе вои свои на Русь.

Птици небесныя пасущеся то под синие оболока, ворони грають, галици свои рѣчи говорять, орли восклегчють, волци грозно воють, лисици часто брешють, чають побѣду на поганыхъ.

Аркучи такъ: земля еси русская, какъ еси была доселева за царемь за Соломоном, такъ буди и нынѣча за княземъ великим Дмитриемь Ивановичемь.

Тогда же соколи и кречати, белозерские ястреби позвонять своими злачеными колоколци.

Уже бо стукъ стучить и громъ гремить рано пред зорею. То (л. 126 об.) ти не стукъ стучить, ни громь гремит, князь Володимеръ Ондрѣевич ведетъ вои свои сторожевыя полкы к быстрому Дону, аркучи такъ: Господине князь Дмитреи, не ослабляи, уже, господине, поганыя татарове на поля на наши наступають, а вои наши отнимають.

Тогда же князь великыи Дмитреи Иванович ступи во свое златое стремя, всѣдъ на свои борзыи конь, приимая копие в правую руку. Солнце ему на встоцѣ семгября 8 в среду на рожестьо пресвятыя богородица ясно свѣтить, путь ему повѣдаеть, Борисъ Глѣбъ молитву (л. 127) творять за сродники свои.

Тогда соколи и кречати, бѣлозерскыя ястреби борзо за Доньо перелетѣша, ударишася на гуси и на лебеди. Грянуша копия харалужныя, мечи булатныя, топори легкие, щиты московьскыя, шеломы нѣмецкие, боданы бесерменьскыя. Тогда поля костьми насѣяны, кровьи [illegible]иано.

Воды возпиша, вѣсть подаваша по рожнымь землямь, за Волгу, к Желѣзнымь вратомь, к Риму до Черемисы, до Чяховъ, до Ляховъ, до Устюга поганыхъ татаръ, за дышущеем моремь. Того даже (л. 127 об.) было нелѣпо стару помолодитися.

Хоробрыи Пересвѣт поскакиваеть на своемь вѣщемь сивцѣ, свистомь поля перегороди, аркучи таково слово: лучши бы есмя сами на свои мечи наверглися, нежели намъ от поганыхъ положеным пасти. И рече Ослебя брату своему Пересвѣту: уже, брате, вижю раны на сердци твоемь тяжки. Уже твоеи главѣ пасти на сырую землю, на бѣлую ковылу, моему чаду Иякову. Уже, брате, пастуси не кличють, ни трубы не трубять, толко часто ворони грають, зогзици кокують на тру(л. 128)пы падаючи.

Тогда же не тури возрыкають на полѣ Куликовѣ на рѣчкѣ Непряднѣ, взопаша избиении от поганыхъ князи великых и бояръ сановных, князя Федора Романовича Бѣлозерскаго и сына его князя Ивана, Микулу Васильевича, Федоръ Мемко, Иванъ Сано, Михаило Вренковъ, Иаковъ Ослебятинъ, Пересвѣтъ чернець и иная многая дружина.

Тогда же восплакашася горко жены болярыни по своих осподарѣхъ въ краснѣ градѣ Москвѣ. Восплачется жена Микулина Мария, аркучи таково слово: Доне, (л. 128 об.) Доне, быстрыи Доне, прошелъ еси землю половецкую, пробилъ еси берези харажныя, прилелѣи моего Микулу Васильевича. Восплачется жена Иванова Федосия: Уже наша слава пониче в славнѣ городѣ Москвѣ.

Не одина мати чада изостала, и жены болярскыя мужеи своихъ и осподаревъ остали, глаголюще к себѣ: Уже, сестрици наши, мужеи нашихъ в животѣ нѣту, покладоша головы свои у быстрого Дону за русскую землю, за святыя церкви, за православную вѣру з дивными удалци, с мужескыми сыны.

2. СПИСОК ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ 2[1]

...лита а древес‹а› тугою к земли преклонишас‹я›. Въспѣли бяше птици жалостные пѣсни, въсплакалис‹я› княгини и боярыни и воеводины жены о избьеных. Феодосьа Микулина жена Васил‹ь›евич‹а› да Марья Дмитриева жен‹а› Волынског‹о› рано сплакашася у Москвы град‹а› на заборолах: „Донѣ Донѣ, быстрая рѣка, прорыла еси каменныа горы, а течеши в землю половетскую. Прилѣлѣй господина моего ко мнѣ Микулу Васил‹ь›евича“. Тимофева жена Иволуевич‹а› такоже плакашес‹я›, а ркуч‹и› так: „Се уже веселие мое понич‹е› въ славнѣ град‹ѣ› Москвѣ, уже бо не вижу своего господина Тимофея „Иволу-(л. 70 об.) евича, в животѣ его нѣт“. Андрѣева жена рано плакашес‹я›: „Се уже нам обѣма сольнце померькло вь славнѣ град‹ѣ› Москвѣ, припахну намъ от быстраго Дону поломянные вѣсти, носяще великую бѣду. Спа-

[1] *№ 3045, конец XV — начало XVI в. Гос. Истор. музей в Москве.*

доша руские удалици з борьзых коней на суженое мѣсто на полѣ Куликовѣ".

А уже Диво кличет под саблями татарьскими, а тѣм рускымъ богатырем под ранами.

Ту ни галици ни щуровѣ въспѣли жалостные пѣсни у Коломны на заборолах на въскресение на Якимов и Аннинъ день. То ти были ни щуровѣ ни га(л. 71)лици воспѣли, въсплакалис‹я› жены коломенскыя, а ркуч‹и› таков‹о› слов‹о›: „Москва, Москва, быстраа рѣка, чему еси залѣлѣяла мужей наших от нас в землю половетскую литовьскую". А ркуч‹и› тако: „Можеши ли тамо, господине князь великий, веслы Непру запрудити, а Донъ шоломы вычръпати, а Меч рѣку трупы татарьскими запрудити. Заткни, государь князь великий, Оки ворота, чтобы погании потом к намъ не заходили. Уже мужи наших рат‹ь› трудила в суботу на рожество святѣй богородици крестьян татаровѣ на полѣ Куликовѣ на рѣчкѣ Непрядвѣ".

(л. 71 об.) И нукнув князь Володимерь Андрѣевич с правые рукы на [illegible]ного Мамая с своим князьмъ Волыньскымъ 70-ю тысящами, [illegible] рати в поганыхъ половцѣх татарьских, злаченными [illegible]‹и›. Грѣмят мечи булатные о шоломы хиновские.

И въсхвалит брата своег‹о› князя Дмитриа Иванович‹а›: „То еси у зла тошна веремени железна заборола.[1] Не уставай, князь великий, с своими великими плъки, [illegible]ихим коро‹мо›ликомъ. Уже поганые поля наша наступаю[illegible] рабрую дружину у насъ стрѣляли и в трупу человѣчю яко же конь (л. 72) не [illegible]т борзо скочити, а кров по колѣнемъ брод‹я›чи. Уже бо, брате, жалостно видѣти кров крестьянская. И не уставай, князь великий Дмитрий Иванович".

И реч‹е› князь великий Дмитрий Иванович своимъ ‹бо›яромъ и воеводамъ и дѣтемъ боярыскымъ: „То ти, брате, вам московские сласние меди и великие мѣста. Туто, брат‹е›, себѣ и [illegible]во‹и›мъ высокие мѣста, туто, ‹брате›,[2] стару помолодитися, а [illegible]у чти добыти".

Реч‹е› князь великий Дмитрѣй Иванович: „Господи бо[illegible]я упувах, да не постыжус‹я› в вѣки, ни да посмѣють ми с‹я› враги твои мнѣ". И помоляс‹я› богу (л. 72 об.) и пречистѣй его матерѣ божии и всѣмъ святымъ и прослезя горко и утерь слезы.

Тогда яко соколи полѣтѣша на быстрый Донь. То ти [illegible] соколи полѣтѣша, скач‹е› князь великий Дмитрий Иванович с своими плъки за Донь съ всею силою, брат его князь Володимерь Андрѣевич. „Туто, брате, испите медовыа чары повѣденые. Ударимьс‹я›, брате, всѣми плъки силними на рат‹ь› поганых".

Тогда князь великий почалъ наступати. Грѣмят мечи булатные о шоломы хиновские. И погании покрыша руками своими главы

---

[1] *В рукописи ошибочно* железла заборона

[2] *В рукописи ошибочно* брета

Тогда погании борьзо вспят‹ь› отступишас‹я›. Стязи ревут (л. 73) от великог‹о› князя Дмитриа Иванович‹а›, а погании побѣгьли. Рускые сыновѣ поля широкие конми огородиша и злачеными доспѣхи освѣчиваюч‹и›. Уже сталъ ‹бо тур›[1] на борон.

Тогда князь великий Дмитрий Иванович и брат ег‹о› Володимер[2] Андрѣевич полки поганых вьспят‹ь› побѣдих и гораздо на них поворотилъ и нач‹а› их бити гораздо, тоску им подаваше. И князи их с коней спадоша, а трупы тотарьскими поля насѣаше, а кровию их рѣки протекли. Туто погании разлучишас‹я›, раздно побѣгоша неуготованными дорогами в лукомор‹ь›е, скрекчюще зубы своими, деручи лица своя, а ркуче: „Уже намъ (л. 73 об.), брат‹и›е,[3] в земли своей не бывати, а дѣтѣй своих не видати, а катунъ своих не трепати, а трепати намъ сырая земля, а цѣловат‹и› намъ зелена мурова, а на Рус‹ь› нам уже рат‹ь›ю не хоживати, а выхода намъ у рускых князей не прашивати. Уже въстонала земля Тотарьская бѣдами и тугою покрышас‹я›. Уныша бо царемъ их хо‹тѣние› и княземь похвала на Рускую землю ходити. Уже веселие наше пониче, уже сынове рускыа заграбиша узороч‹ь›а наша и доспѣхи наша на них, волы и врьблуды и вина и сахарь и все доброе узороч‹ь›е калсим и насыч вывѣзут женам своим. Уж‹е› жены рускые и вознесес‹я› слава ру.[4]

3. СПИСОК ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ 1[5]

И потом списах жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимеру Ондрѣевичу

Снидемся, брате и други, сынове (л. 215 об.) рустии, съставимъ слово къ слову и величимъ землю рускую, и веръжем печал на въсточную страну всѣмъ въ жребие, въздаюмъ поганому Мамаю победы и великому князю Дмитрию Ивановичю похвалу и брату его князю Владимеру Ондрѣевичю.

Рци того лутче бо ест, брате, нача повѣдати инѣми словесы о похвалных о нынешних повестех от полку князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Ондрѣевич‹а›, правнука святого великог‹о› князя Владимера киевскаго. Начаша повѣдати по дѣлом погыбелю, но потрезвимьс‹я› мыслъми и землями и помянем первых лѣтъ времена и похвалим вѣща боінаго гораздаго гдуца в Киевѣ. Тот боюн воскладше гораздыя своя персты на живыа струны и пояше княземъ рускимъ славы, первую славу великому князю киевскому Игорю Рюрикович‹ю›, в великому князю Владимеру Святославич‹ю› киевскому, третюю великому (л. 216) князю Ярославу Володимеровичю.

---

[1] *В рукописи* во ту

[2] *В рукописи* Володимеру

[3] *В рукописи* брате

[4] *На этом полуслове кончается лист 73 об. и текст Задонщины.*

[5] *№ 2060, конец XVI — начало XVII в. Гос. Истор. музей в Москве*

И я ж‹е› помяну Ефоня ерея резанца в похвалу пѣсньми и гусленымн и буяни словесы и сего великог‹о› князя Дмитреа Иванович‹а› и брата ег‹о› князя Владимера Ондрѣевич‹а›, правнука тѣхъ князеи, занеж‹е› отпало мужьство их и пѣние их и князем руским за землю рускую и за вѣру крестьянскую.

От Калагъския рати до Мамаева побоища лѣтъ 160.

Сии бо князь великый Дмитрей Ивановичь и брат его князь Владимер Ондрѣевич помоляс‹я› богу и пречистеи богородицы, стяжав умъ свой крѣпостию и поостриша сердца своя мужством и наполнишас‹я› ратнаго духа и уставиша себе храмныа полъкы в руськои земли и помянуша прадѣда своего князя Владимера Ондрѣевича киевъскаго.

О жаворонокъ лѣтьняа птица, красных днеи утѣха! возлети под синии небеса, посмотри к силному граду Москвѣ, воспой славу великому князю Дмитрию Иванович‹ю› и брату ег‹о› (л. 216 об.) князю Владимеру Ондрѣевичю.

Цег буря [со]коли снесет из земли залѣтъскые в поле половецкое. На Москвѣ кони ръжут, звенит слава руская по всей земли руской, трубы трубят на Коломнѣ, в бубны бьют в Серпоховѣ, стоят стязи у Дону у великого на брези, звонят колоколы вечныа в великом Новѣгородѣ, стоят люди новгородцы у святои Софѣи, арькучи: Уже нам, братие, на пособе великому князю Дмитрию Иванович‹ю› не поспѣть.

И как слово изговаривая, уже бо як‹о› орлы слетѣшас‹я› и выѣхали посадникы из великого Новагорода о к великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Владимеру Ондрѣевичю на пособе къ славъному граду Москве. То тѣ сьѣхалися вси князи руския к великому князю Дмитрию Иванович‹ю› и брату его князю Владимеру Ондрѣевич‹ю›, арькучи им таково слово: У Дону стоят татарове поганый Мамаи на рѣчкы на Мечи, хотят брести и живот свой предати (л. 217) нашей славѣ.

И реч‹е› князь Дмитрей Иванович: Поидем тамо, укупимъ животу славу, старымъ повѣсть, а молодымъ память, а храбрых плечевъ испытаем, а рѣку Дон кровю пролемъ за землю рускую и за вѣру крестьяньскую.

И реч‹е› имъ князь великый Дмитрей Иванович: братя и князи руския, гнѣздо есмя великого князя Владимера киевъскаго. Ни в обиди есмя были ни кречету, ни черному ворону, ни поганому Мамаю.

О соловей лѣтьняа птица, что бы ты, соловеи, выщекотал великому князю Дмитрию Ивановичю из земли той всеи и дву братов Олгердовичев, Ондреи да брат его Дмитрей Олгердовичев, да Дмитрей Волынскыи. Тѣ бо суть сынове храбрии, кречати в ратномъ времени, ведоми полковидцы, под трубами и под шеломы возлелияны в литовъскои земли. И молвяше Ондрѣй Олгердович брату своему Дмитрию: (л. 217 об.) Сами есми себѣ два брата, а внукы есмя Едимантовы, изберем братью милую пановеи удалыи Литвы, храбрых удальцевъ, и сами сядем на борзыя своя комони, посмотримъ быстрого Дону, изобьем шоломы мечи, испытаем мечевъ своих литовъскых о шеломы татарскыя, [illegible] немецъкых баиданы бесерменьскыя.

И реч‹е› ему Дмитрей: Брате Ондрѣй, не пощадим живота своег‹о› за крестьяны и за обиду великого князя Дмитриа Ивановича. Уж‹е› бо, брате, стук стучить, громъ гримит в каменѣ градѣ Москвѣ, стучить силная рат‹ь› великого князя, гремят удальцы рускыя золочеными доспехы, черлеными щиты. Седлай, брате Ондрей, свои борзыи комони, а мои готовы, брате, на чистое поле. Посмотримъ своих полъковъ. Толко, брате князь Дмитрей, с нами храбрые Литвы б.

Уж‹е›, брате, возвеяша силнии вѣтри (л. 218) по морю на усть Дону и Непра, прилѣтѣяшас‹я› великиа тучи по морю на рускую землю, из них выступают кровавыя зори, и в нихъ трепещуть силнии молнии. Быти стуку велику на рѣчьки Направдѣ меж Дономъ и Непром, пасти трупу человечью на полѣ Куликовѣ, пролитис‹я› кровѣ на рѣчькы Направдѣ.

Уже бо въскрипѣли телегы меж Дономъ и Непромъ, идут Хинове в руськую землю. И притекоша сѣрые волцы от усть Дону и Непра, ставъши воюют на рецы на Мечи, хотят наступати на рускую землю. То ти было не сѣрые волцы, но приидоша погании татарове, приити хотят воюючи в рускую землю погании татарове.

Тогда гуси возгоготаша на рѣчкы на Мечи, лебеди крилы въслескаша. Ни гуси возгоготаша, но поганыи Мамаи на рускую землю пришел, а воеводы своя привел. А уже беды их пловуще птица их крилати под облакы (л. 218 об.) летають, ворони грають, а галицы своею рѣчью говорять, орлы крилатии въсплещут, а волци грозно воюють, а лисицы на кости брешут.

Руская земля, то ти ест как за Соломономъ царемъ побывало.

А уж‹е› соколы, белозерския ястребы рвахуся от златых колодец ис каменнаго града Москвы, возлетѣша под синии небеса, возгремѣша золочеными колоколы на быстром Дону.

Тогда князь великый въступи въ златое стремя, взем свой меч въ правую руку свою, помоляс‹я› богу и пресвятии богородицы. Солнце ему ясно на въстоцы сияетъ, а Борис и Глѣбъ молитву воздает за сродникы.

Что шумит, что гримит рано пред зарями? Князь Владимеръ пакы уставливаетъ и пребирает и ведет к Дону великому. И молвяш‹е› брату своему: Князь Дмитреи, не ослабяи, князь великый, татаромъ; поганыи поля наступают, отъимають отчину нашу. Рече ему (л. 219) князь Дмитрей Иванович: Брате князь Владимере Ондрѣевич, сами себѣ есмя два брата, воеводы у насъ уставлены о бояриновъ, князи крѣпъцы белозерскыи, Федор Семенович, Семен Михайлович, Микула Василевич, два брата Олгердова, Дмитрей Волынский, Тимофеи Волуевич, Михаило Иванович. А воюют с нами т кованой рати, воеводы у нас уставлены, дружина нам свѣдома, имѣмъ под собою боръзыя комони, а на себѣ золоченыя доспѣхы, а шеломы черкасьские, а щиты московъскые, а сулицы ординские, а чары франьския, мечи булатныя.

И молвяше: поганыи путь имъ знаемъ вельми, а перевозы имъ изготовлены, но еще хотят силно главы своя положити за вѣру крестьянскую. Пашут бо ся хорюгове, ищут себе чести и славнаго имени.

Уж‹е› бѣ тѣ соволѣ и кречеты за Дон перевезлис‹я› и наѣхали рустии сынове (л. 219 об.) на силную рать татарьскою, ударишас‹я› копи харауженичьными о доспехы татарскыа, възгремѣли мечи булатныя о шеломы хиновския на полѣ Куликовѣ на рѣчки Направдѣ.

Черна земля под копыты, костьми татарскими поля насѣяша, кровью земля пролита. Силнии полкы съступалис‹я› вмѣсто, протопташа холми и лугы, возмутис‹я› реки и езера, кликнуло диво в рускои земли, велит послушати грозънымъ землям, шибла слава к Желѣзнымъ вратом, к Риму и к Кафы, по морю, и к Торнаву, и оттоле к Царюграду, на похвалу: Русь великая одолѣша Мамая на полѣ Куликовѣ.

Тогда бо силнии тучи съступалис‹я› въмѣсто, силнии молнии, громи гремѣли велицѣ. То ти съступалис‹я› рускии сынове с погаными татары за свою обиду, а в них сияють доспѣхы золочеными, гремѣли князи рускиа мечи о шеломы хыновскыа.

Из утра билис‹я› (л. 220) до полудьни в суботу на рожество святии богородицы.

Не тури возгремѣли на полѣ Куликовѣ, побежени у Дону великого. То ти не туры побежени, посечены князи рускыя и воеводы великог‹о› князя и князи белозерстии посечени от поганых татар: Федор Семеновичь, Тимофѣи Волуевич, Семен Михаилович, Микула Василевич, Ондрѣи Серпизович, Микула Иванович и иная.[1]

Черньца Пересвѣта великому князю Дмитрию Иванович‹ю›: Луче бы посеченым пасти, а не полонянымъ въспѣти от поганыхъ. Тако бо Пересвѣт поскакивает на борзе кони, а злаченым доспѣхомъ посвѣчиваше. А иные лежат посечены у Дону на брези. Добро бы, брате, в то время стару помолодится, а удалым плечь попытати.

И молвяше брат его Ослабе черънецъ: Брате Пересвѣт, вижу на тѣли твоем раны, уже головѣ твоеи летѣти на траву ковыл, а чаду моему Якову (л. 220 об.) на ковыли землине лежати на поли Куликовѣ за вѣру христьянскую и за обиду великог‹о› князя Дмитрия Иванович‹а›.

В то время по резанскои земли около Дону ни пастуси кличут, но однѣ воронѣ грають, трупу ради человечьскаго. Грозно бо бяше и жалостъно тогда слышати, зане трава кровью пролита, а древеса к земли тугою преклонишас‹я›.

Въспѣли бяше птицы жалостные пѣсни, вси въсплакалис‹я› к неи болярыни избьенныхъ, воеводины жены: Микулина жена Василевич‹а› да Марья Дмитриева рано плакашас‹я› у Москвы у брега на забралах, аркучи: Доне, Доне, быстрая рѣка, прирыла еси горы каменныя, течеши в землю по‹ло›вецкую. Прилилѣи моего государя къ мнѣ Микулу Василевич‹а›. Тимофѣева жена Волуевич‹а› Федосья та[ко] плакася аркучи: Уже веселе понич‹е› въ славнѣ гради Москвѣ, уж‹е› не вижу своег‹о› государя

---

[1] *Над словом „иная“ крестик, повторенный на полях и указывающий на замеченный переписчиком пропуск.*

Тимофея Волуевича в животѣ. Да Ондрѣева жена Марья (л. 221) да Михаилова Оксѣнья рано плакашас‹я›: Се уж‹е› нам обема солнце померкне на славнѣ гради Москвѣ. Припахнули к нам от быстрог‹о› Дону полоняныа вѣсти, носящу великую беду, выседоша удалцы з боръзыхъ коней на судное мѣсто на полѣ Куликовѣ.

А уж‹е› диво кличетъ под саблями татарскыми. Туто щурове рано въспѣли жалостные пѣсни у Коломны на забралах на воскресение на Акима и Аннинъ день. То ти было не щурове рано въспѣша жалостныя пѣсни, всѣ въсплакалис‹я› жены коломенскыя: Москва, Москва, быстрая рѣка, чему еси у нас мужи наши залелѣяла в землю половецъкую? Арькучи: Можеши ли, господине князь великыи, весла Непра запрудити, а Дон шлемомъ вычерпати, а Мечю трупы татарскыми запрудити? Замъкни, князь великый, от сих ворота, чтобы потомъ поганые к намъ (л. 221 об.) не ѣздили. Уже бо мужи наши рати трудили.

Того день святая богородица исѣкоша христьяне поганыи полкы на полѣ Куликовѣ на рѣчки Направдѣ.

И нукнув князь Владимеръ, гораздо скакаше по рати поганым, златым шеломом посвѣчиваше. Гремят мечи булатныа о шеломы хыновскые; въсхваляа брата своег‹о›: Брате князь Дмитреи Иванович, что ти ест еси у зла времени желѣзная забрала. Не уставаи, князь великыи, с своими великими полкы, не потакаи крамолником, поганыя бо поля наша наступают, а храбрую дружину теряли, трупу человечью борзъ конь не может скочити, въ крови по колѣно бродят. Уже бо, брате, жалостно видѣти крови крестьянскои. Не уставаи, князь великый, съ своими бояры.

Рече князь великый своим бояромъ: Братия бояре и воеводы, дѣти боярскые, что ти, братие, ваши московъскыя сластныа меды и великия мѣста, себѣ (л. 222) своим женам; туто стару помолодится, а молоду чти добыти.

Рече князь великый: Господи боже мой, на тя уповах, да не постыжус‹я› в векъ, ни посмѣють ми ся врази мои мнѣ. И помоляс‹я› богу и святии богородици и всѣмъ святымъ и прослезися горко и утер слезы.

И тогда як‹о о›рлы отлетѣша на быстрый Донъ. То тѣ не орлѣ полетѣша за быстрый Донъ, поскакивает князь великый с своими полкы за Дон съ всею силою. Брате, князе Владимере, туто испити медвеная чаша, наступаемъ, брате, с своими силными полкы на рать поганых.

Тогда князь великии поля наступает. Гремят мечи о шеломы хиновъския, поганыи покрыша руками главы своа. Тогда погании отступиш‹а› назад. Ктязю ревуть, отступишас‹я› от великог‹о› князя, погании бежать. Рускии сынове поля широкыи кликом огородиша, золочеными шлемы осветиша (л. 222 об.) Въсталъ уж‹е› туръ оборенъ. Тогда князь великыи поганых назадъ победилъ и поворотил гораздо на нихъ и бьетъ горко, тоску имъ подаваше. Князи их падошас‹я› с конеи к земли. Трупы татарскими поля насеяша, а кровию протекли рѣкы. Туто ся погании разлучишас‹я› боръзо, розно побѣгши неуготованными дорогами в лукоморье, а скрегчюще зубы своими и дерущи лица своа, аркучи: Уж‹е› намъ, брат‹и›е, в земли

своеи не бывати, а дѣтеи своихъ не выдати, а в Русь ратю не ходити, а выхода нам у рускихъ князеи не прашивати.

А уже бо въстонала земля татарская, бедами и тугою покрышас‹я›. Уныша бо царемъ их хотѣние и похвала на рускую землю ходити. Веселие их пониче. Уже рускиа сынове разграбиша татарская узорочя, доспехи и кони, волы и велблуды, вино, сахарь, дорогое узороче, камкы насычеве (л. 223) везут женам своимъ. Уже жены рускыя въсплескаша татарьским златомъ. Уже рускои земли простреся веселье и възнесеся слава руская на поганых хулу. Уже веръжено диво на землю. Уже грозы великого князя по всеи земли текуть. Стрѣляй, князь великыи, по всѣмъ землям, стрѣляи, князь великыи, с своею храброю дружиною поганого Мамая хиновина за землю рускую, за вѣру христьяньскую. У поганыхъ оружие свое поверъгоша, главы своя и подклониша подъ мечи руския. Трубы ихъ не трубять, уныша бо царем ихъ хотѣние.

И отскочи Мамаи сѣрымъ волком от своея дружины и притече к Кафы граду. И молвяше ему фрязове: чему ти, поганыи Мамаи, на рускую землю, то ти была орда Залѣская времена первыи, а не быти тебѣ в Батыя царя. Царь Батыи былъ ≠ӯ вою, воевалъ (л. 223 об.) всю рускую землю и плѣнил от встока и до запада. А казнилъ богъ рускую землю за съгрешение. И ты пришелъ князь Мамаи на рускую землю съ многими силами съ девятю ордами, съ 70 князьми, а ныне бежишь самъ девять в лукоморье. В поле тобя князи рускыя гораздо упилися и князеи с тобою нѣтъ ни воеводъ. Нѣчто гораздо упилися на полѣ Куликовѣ, на травѣ ковыли. Побежи, поганый Мамаи, и от насъ по задлѣшью. Намъ земля подобна есть руская милому младенцу у мрети, его же мати тешить, а рать лозою казнит, а добрая дѣла милують его. И потѣшить господь богъ человеколюбецъ князи рускыя великого князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Владимера Ондрѣевича межъ Доном и Непром на полѣ Куликовѣ на рѣчки Направдѣ.

Сталъ князь великый с своим братом княземъ (л. 224) Владимеромъ Ондрѣевичемъ и с своими воеводами на костехъ. Грозно бо, брате, в то время посмотрети, лежать трупы христианьскиа акы сѣнныи стоги, а Дон рѣка три дни кровю текла. Считаитеся, брате, колкихъ воевод нѣтъ, колько молодыхъ людеи нѣтъ.

И говорит Михаило Ондрѣевичь московъскыи бояринъ князю Дмитрию Ивановичю: Господине князь великыи Дмитрий Ивановичь, нѣту туто у насъ сорока бояринъ большихъ мосъковъскихъ, да 12 князеи белозерскых, да 30 бояриновъ посадниковъ новгородцкихъ, да 20 бояриновъ коломеньскыхъ, да 40 бояриновъ переяславъскихъ, да полу 30 бояриновъ костромскыхъ, да пол 40 бояриновъ володимеръскихъ, да 50 бояриновъ суздальских, да 70 бояриновъ резаньских, да 40 бояринов муромскихъ (л. 224 об.) да 30 бояриновъ ростовъскыхъ, да трех да 20 бояриновъ дмитровских, да 60 бояриновъ звенигородцкихъ, да 15 бояриновъ углецъкихъ. А изгибло нас всеи дружины полъ 300 тысяч. И помилова богъ рускую землю а татаръ пало безчислено многое множество.

И князь великыи Дмитрии Ивановичь говоритъ: Брат‹и›я и бояре, князи молодые, вамъ, брат‹и›е, сужено мѣсто межь Дономъ и Непра на полѣ Куликовѣ на рѣчьки Направдѣ. Положили есте головы за рускую землю и за вѣру хрѣстьяньскую. Простите мя, брат‹и›я, и благословите в семъ вѣцы и в будущемъ.

4. СПИСОК УНДОЛЬСКОГО[1]

Слово о великом князе Дмитрее Ивановиче и о брате его князе Владимере Андрѣевиче, яко побѣдили супостата своего царя Мамая

Князь великий Дмитрей Ивановичь с своим братом с княземъ Владимером Андрѣевичем и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича. Вѣ[домо намъ], брате, у быстрого Дону царь Мамай пришел на Рускую землю, а идет к намъ в Залѣску(л. 170)ю землю. Пойдем, брате, тамо в полунощную страну жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися Русь преславная. Взыдем на горы Киевския и посмотрим с равнаго Непра и посмотрим по всей земли Руской. И отоля на восточную страну жребий Симова, сына Ноева, от него же родися Хиновя поганые татаровя бусормановя. Тѣ бо на рекѣ на Каялѣ одолѣша родъ Афѣтов. И отоля Руская земля (л. 170 об.) сѣдитъ невесела.

А от Калатьския рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрышася, плачющися, чады своя поминаюты. Князи и бояря и удалые люди, иже оставиша вся домы своя и богатество, жены и дѣти и скот, честь и славу мира сего получивши, главы своя положиша за землю за Рускую и за вѣру християньскую, собѣ бы чаем пороженых и воскормленых (л. 171). Преже восписах жалость земли Руские и прочее от ких приводя. Потом же списах жалость и похвалу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимеру Ондрѣевичю.

Снидемся, братия и друзи и сынове Рускии, составим слово к слову, возвѣселим Рускую землю и возвѣрзем печаль на восточную страну в Симов жребий и воздадим поганому Мамаю побѣду, (л. 171 об.), а великому князю Дмитрею Ивановичю похвалу и брату его князю Владимеру Андрѣевичю. И рцем таково слово: лудчи бо нам, брате, начяти повѣдати иными словесы от похвальных сихъ и о нынешних повѣстех похвалу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимеру Андрѣевичю, а внуки святаго великаго князя Владимера Киевскаго. Начаша ти повѣ(л. 172)дати по дѣлом и по былинам. Не проразимся мыслию но землями, помянем первых лѣт времена, похвалим вещаннаго боярина, горазна гудца в Киеве. Тот боярин воскладоша горазная своя персты на живыя струны, пояша руским князем славу, первому князю киевскому Игорю Бяриковичю и великому князю

[1] *№ 632, середина XVII в. Всесоюзная Библиотека им. В. И. Ленина.*

Владимеру Всеславьевичю киевскому и великому (л. 172 об.) князю Ярославу Володимеровичю.

Аз же помяну резанца Софония и восхвалю пѣснеми гусленными словесы сего великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андрѣевича, а внуки святаго великаго князя Владимера Киевскаго. И пѣние князем руским за вѣру християньскую.

А от Калатьские рати до Момаева побоища 170 лѣт. Се бо князь (л. 173) великий Дмитрей Иванович и брат его князь Владимер Андрѣевич помолися богу и пречистей его матери, истезавше ум свой крѣпкою крепостью и поостриша сердца свои мужеством и наполнися ратного духа, уставиша собѣ храбрыя воеводы в Руской землѣ и помянуша прадѣда своего великаго князя Владимера Киевскаго.

Оле жаворонок лѣтняя (л. 173 об.) птица, красных день утѣха, возлѣти под синее небеса, посмотри к силному граду Москвѣ, воспой славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимеру Андрѣевичю. Ци буря соколи снесетъ из земля Залѣския в полѣ Поло[ве]тское. На Москвѣ кони ржут, звѣнит слава по всей земли Руской, в трубы трубят на Коломнѣ, в бубны бьют в Се(л. 174)рпугове, стоят стязи у Дунаю великого на брезѣ, звонятъ в колоколы вѣчныя в вѣликом Новегородѣ. Стоят мужи навгородцкие у Софѣи премудрые, аркут тако: Уже нам, брате, не поспѣть на посопь к великому князю Дмитрею Ивановичю. И как слово изговаривают, уже аки орли слѣтѣшася. То ти были не орли слѣтѣшася, выѣхали посадники из великого Новагорода 7000 ѣойска к великому (л. 174 об.) князю Дмитрею Ивановичю и к брату его князю Владимеру Андрѣевичю.

К славному граду Москвѣ сьехалися вси князи руские, а ркут таково слово: у Дуная стоят татаровя поганые, и Момай царь на реки на Мечи, межу Чюровым и Михайловым, брѣсти хотят, а предати живот свой нашеи славѣ.

И рекше князь великий Дмитрей Иванович: Брате князь Владимер (л. 175) Андрѣевич, поедем тамо, укупим животу своему славы, а старым повесть, а молодым на память, а храбрых своих испытаем, а реку Дон кровью прольем за землю за Рускую и за вѣру крестьяньскую.

И рекше им князь великий Дмитрей Иванович: Братия и князи руские, гнѣздо есмя были великаго князя Владимера Киевскаго, не въ обиде есми были по рожению (л. 175 об.) ни ястребу, ни крѣчату, ни черному ворону, ни поганому сему Момаю.

О соловей, лѣтняя птица, что бы ты, соловей, пощекотал славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимеру Андрѣевичю и земли Литовской дву братом Олгордовичем, Андрѣю и брату его Дмитрею, да Дмитрею Волыньскому. Тѣ бо суть сынове храбры, кречаты въ ратном (л. 176) времени и вѣдомы полѣводцы, под трубами под шеломы злачеными в Литовскои земли.

Молвяше Андрѣй Олгордович своему брату: Брате Дмитрей, сами есмя собѣ два браты, сынове Олгордовы, а внуки мы Доментовы,

а правнуки есми Сколомендовы. Збѣрем, брате, милые пановя удалые Литвы, храбрых удальцов, а сами сядем на добрые кони своя, и посмотрим быстрого Дону, (л. 176 об.) испытаем мечев своих Литовских о шеломы татарские, а сулицъ немецких о боеданы бусорманские.

И рече ему Дмитрей: Брате Андрѣй, не пощадим живота своего за землю за Рускую и за вѣру крестьяньскую и за обиду великого князя Дмитрея Ивановича. Уже бо, брате, стук стучит, а громъ грѣмит в каменом граде Москвѣ. Что, брате, стучит великая силная рать великого князя Дмитрея (л. 177) Ивановича и брата его князя Владимера Андрѣевича. Громят удалцы руские злачеными доспѣхи и черлеными щиты московскими. Сѣдлай, брате Андрѣй, свой доброй конь, а мой готов осѣдлан. Выедем, брате, в чистое полѣ и посмотрим своих полковъ, сколько, брате, с нами храбрые Литвы. А храбрые Литвы с нами 7000 окованые рати.

Уже бо, брате, возвияли по морю на (л. 177 об.) устъ Дону и Непра, при[ле]лѣяша тучи на Рускую землю, из них же выступали кровавые зори, а в них трепѣщутся силные молыньи. Быти стуку великому на речке Напрядѣ, межу Доном и Непром, пасти трупу человеческому на поле Куликовѣ, пролитися крови на речьке Напряде.

Уже бо скрипѣли телеги межу Доном и Непром, а идут Хиновѣ поганыи к Руской земли. И при(л. 178)тѣкоша сѣрые волцы от усть Дону и Непра и ставши воютъ на рекѣ, хотят на Мѣчи поступити в Рускую землю. И то были не сѣрые волцы, приидоша поганые татаровя, хотят пройти воюючи всю Рускую землю.

Тогды гуси возгоготали и лѣбѣди возсплѣскаша крылами своими, но поганый Момай пришел на Рускую землю[1] и воеводы своя привел. А уже бѣды (л. 178 об.) их пасоша птицы крылати под облак лѣтят, вороны часто грают, а галицы своею речью говорят, орли хлѣкчют, а волцы грозно воют, а лисицы на костѣх бряшут.

Руская земля, то первое еси как за царем за Соломоном побывала. То уже соколи бѣлозѣрстии и ястреби хваруются от златых колодиць ис камена града Москвы, возлѣтѣша под синее небеса, возгремѣша (л. 179) злачеными колоколы на быстром Дону.

Тогда князь великий Дмитрей Иванович воступив во златое свое стрѣмя и взем свой мечь в правую руку и помолися богу и пречистой его матери. Солнце ему на восток сияет и путь повѣдает, а Борисъ и Глѣбъ молитву воздают за сродники своя.

Что шумит и что грѣмит рано пред зорями? Князь Владимер Андрѣевич полки пребирает и ве(л. 179 об.)дет к великому Дону. И молвяше брату своему великому князю Дмитрею Ивановичю: Не ослабливай, брате, поганым татаровям. Уже бо поганые поля руские наступают и вотчину отнимают.

---

[1] землю *доб. на полях*

И говорит ему князь великий Дмитрей Иванович: Брате Владимер Андрѣевич, сами есми а внуки великаго князя Владимера Киевскаго. А воеводы у нас уставлены от боя(л. 180)ринов и крѣпцы бысть князи бѣлозѣрстии Федор Семеновичь, да Семен Михайловичь, да Микула Васильевичь, да два брата Олгордовичи, да Дмитрей Волыньской, да Тимофей Волуевичь, да Андрѣй Серкизовичь, да Михайло Ивановичь, а вою с нами триста тысящь окованые рати. А воеводы у нас уставлены, а дружина свѣдана, а под собою имѣем добрые кони, а на (л. 180 об.) собѣ злаченые доспѣхи, а шеломы черкаские, а щиты московские, а сулицы немѣцкие, а кинжалы фряские, а мѣчи булатные, но еще хотят силно головы своя положить за землю за Рускую и за вѣру крещеную.

Пашут бо ся аки живи хоругови, ищут собѣ чести и славнаго имени. Уже бо тѣ соколы и кречаты за Дон борзо перелѣтѣли и ударилися о многие (л. 181) стада лѣбѣдиные. То ти наехали руские князи на силу татарскую и удариша копье фарлужными о доспѣхи татарские, возгрѣмѣли мечи булатные о шеломы хиновские на полѣ Куликове на рѣчке Напрядѣ.

Черна земля под копыты, а костми татарскими поля насѣяша, а кровью ихъ земля пролита бысть. А сильным полки ступишася в мѣсто и протопташа хол(л. 181 об.)ми и луги и возмутишася рѣки и потоки и озера. И кликнули быша Дивы в Руской земли, а глава шибла к Желѣзным вратам, ли. къ Караначи, к Риму и х Сафѣ по морю и к Которнову. И оттолѣ ко Царюграду на похвалу руским князем. И одолѣша рать татарскую на полѣ Куликове на речке Напрядѣ.

На томъ полѣ силныи тучи ступишася, а из них часто сияли (л. 182) молыньи и загремѣли громы велицыи. То ти ступишася руские удалцы с погаными татарами за свою великую обиду. А в них сияли силные доспѣхи злаченые, а гремѣли князи руские мечьми булатными о шеломы хиновские.

А билися из утра до полудни в суботу на рожество святѣй богородицы.

Не тури возгремѣли у Дунаю великаго на полѣ Куликове. И нѣ тури (л. 182 об.) побѣждени у Дунаю великого, но посѣчени князи руские и бояры и воеводы великого князя Дмитрея Ивановича побѣждени князи бѣлозерстии от поганых татаръ: Федор Семеновичь, да Семен Михайловичь, да Тимофѣй Волуевичь, да Андрѣй Серкизовичь, да Михайло Ивановичь и иная многая дружина.

Пересвѣта чернеца Бряньского боярина на су(л. 183)женое мѣсто привели. И рече Пересвѣт чернец великому князю Дмитрею Ивановичю: Лутчи бы нам потятым быть, нежели полоненым от поганых татаръ. Тако бо Пересвѣт поскакивает на своем добрѣ конѣ, а злаченым доспѣхом посвѣльчивает, А иные лѣжат посечены у Дуная великого на брезѣ.

И в то время стару надобно помолодѣти, а удалым людям (л. 183 об.) плечь своих попытать. И молвяше Ослябя чернец своему брату Пере-

свѣту старцу: Брате Пересвѣте, вижу на телѣ твоем раны великия, уже, брате, лѣтѣти главѣ твоеи на траву ковыль, а чаду твоему Иякову лѣжати на зелѣнѣ ковылѣ траве на полѣ Куликове на речьке Напряде за вѣру крестьянскую и за землю за рускую и за обиду великого князя Дмитрея Ивано(л. 184)вича.

И в то время по Резанской земле около Дону ни ратаи ни пастухи в полѣ не кличют, но едины вороны грают, трупи ради человѣческия. Грозно и жалостно в то врѣмя бяше тогды слышати, занеже трава кровию пролита бысть, а древеса тугою к земли приклонишася.

И воспѣли бяше птицы жалостные пѣсни. Восплакашася вси княгини и боярыни и вси воеводские (л. 184 об.) жены о избиенных. Микулина жена Васильевича Федосья да Дмитриева жена Марья рано плакаша у Москвы града на забралах стоя, а ркут тако: Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси ты каменные горы и течеши в землю Половецкую. Прилѣлѣй моего господина Микулу Васильевича ко мнѣ. А Марья про сьвоего господина тоже рекла, а Тимофѣева жена Волуевича такоже плакахуся (л. 185) и рече тако: Се уже веселие мое пониче во славном граде Москве, и уже не вижу своего государя Тимофея Волуевича в животѣ нету. А Ондрѣева жена Марья да Михайлова жена Оксинья рано плакашася: Се уже обѣмя нам солнце померкло в славном граде Москвѣ, примахнули к ним от быстрого Дону поломянные вѣсти, носяше великую бѣду и ссѣдша удальцы з добрыхъ коней на (л. 185 об.) суженое мѣсто на полѣ Кулико‹в›е на речке Напряде.

И восплакалися жены Коломеньские, а ркут тако: Москва, ‹Москва, бы›[1]страя река, чему еси залелѣяла мужей нашихъ от насъ в землю Половецкую. И ркут тако: Можеш ли, господине князь великий, веслы Нѣпръ запрудить? Замкни, государь князь великии, Окѣ рекѣ ворота, чтобы потом поганые татаровя к нам не ѣздили. Уже мужей нашихъ рать (л. 186) трудила.

Того же дни в суботу на рожество святыя богородицы исекша хри‹стиан›и[1] поганые полки ‹на полѣ›[1] Куликове на речьке Напрядѣ.

И нюкнув князь великий Владимер Андрѣевич гораздо, и скакаше во полцех поганых в татарских, а злаченым шеломом посвѣльчивает, а скакаша со всем своим войским. И загремѣли мечьми булатными о шеломы хиновские.

И восхвалит (л. 186 об.) брата своего великого князя Дмитрея Ивановича: Брате Дмитрей Иванович, туто ‹у зла то›[1]шна времени ‹железна›[1]а забрала. Не ост‹ав›[1]ай и свои полки понужай коромолщикам. Уже бо поганые татары поля наступают, а храбрую дружину у насъ истеряли а в трупи человѣчье борзи кони не могут скочити, а в крови по колѣно бродят. А уже бо, братье, жалостно видети (л. 187) кровь крестьянская.

И князь великий Дмитрей Иванович рече своим боярам: Братия бояра и воеводы и дѣти боярьские, то ти ваши московские слаткие мѣды

[1] *Слова и слоги, помещенные в угловых скобках, в рукописи заклеены.*

и великие мѣста. Туто добудѣте себѣ мѣста и своимъ женам. Туто, брате, стару помолодѣть, а молодому чести добыть.

И рече князь великий Дмитрей Иванович: Господи боже мой, на тя уповахъ, да не по(л. 187 об.)стыжуся в вѣк, ни да посмѣют ми ся враги моя мнѣ. И помолися богу и пречистой его матери и всѣм святым его и прослезися горко и утер слезы.

И тогда аки соколы борзо полѣтели. И поскакивает князь великий Дмитрей Иванович с своими полки и со всею силою. И рече: Брате князь Владимер Андрѣевич, тут, брате, испити мѣдвяна чара, наеждяем, брате, своими полки си(л. 188)лными на рать татаръ поганых.

Тогда князь великий наступает на рать силу татарьскую. И гремят мѣчи булатные о шеломы хиновские. И поганые бусорманы покрыша главы своя руками своими. Тогда поганые борзо вся отступиша. И от великого князя Дмитрея Ивановича стези ревут, а поганые бѣжать, а русские князи и бояры и воеводы и все великое войско широкие поля (л. 188 об.) кликомъ огородиша и злаченными доспѣхами осветиша. Уже бо ста тур на оборонь.

Тогда князь великий Дмитрей Иванович и брат его князь Владимер Андрѣевич полки поганых вспять поворотили и нача их бусорманов бити и сечи горазно без милости. И князи ихъ падоша съ коней, загремѣли, а трупми татарскими поля насеяша и кровию ихъ реки протекли. Туто поганые (л. 189) разлучишася розно и побѣгше неуготованными дорогами в лукоморье, скрегчюще зубами своими, доруши лица своя, аркуще так: Уже нам, брате, в земли своей не бывать и дѣтей своих не видать, а в Русь ратю нам не хаживать, а выхода нам у руских людеи не прашивать. Уже бо востона земля татарская, бѣдами и тугою покрыша бо сердца их, хотение князем и похвала Ру(л. 189 об.)ской земли ходити. Уже бо веселие наше поничѣ. Уже бо руские сынове разграбиша татарские узорочья и доспѣхи и кони и волы и верблуды и вино и сахар и дорогое узорочие. Уже жены руские восплескаша татарским златом.

Уже бо по Руской земле простреся веселие и буйство. Воснесеся слава руская по всеи земли, а на поганых татар промчеся злых бусорманов хула и пагуба. (л. 190) Уже бо вержено диво на земли. И уже грозы великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андрѣевича по всем землям текут грозы. И князь великий своею храбростию и дружиною Мамая поганого побил за землю за Рускую и за вѣру крещеную. Уже поганые оружия своя повергоша на землю, а главы своя подклониша под мечи руские. И трубы их не трубят и уны(л. 190 об.)ша гласи их.

И отскоча поганый Мамай от своея дружины серым волком взвыл, и притече к Хафѣсте граду. Молвяше же ему фрязове: Чему ты, поганыи Мамай, посягаешь на Рускую землю? То тя била орда Залѣская. А не бывати тобѣ в Батыя царя. У Батыя царя было четыреста тысящь окованые рати, а воевал всю Рускую землю от востока и до запада. А казнил бог Рускую землю (л. 191) за своя согрѣшения. И ты пришел

на Рускую землю, царь Мамай, со многими силами, з дѣвятю ордами и 70 князями. А нынѣ ты, поганыи, бѣжишь самдевят въ лукоморье, несъ кем тебѣ зимы зимовати в полѣ. Нешто тобя князи руские горазно подчивали, ни князей съ тобою ни воевод? Нѣчто гораздо упилися у быстрого Дону на полѣ Куликовѣ на травѣ ковылѣ? (л. 191 об.) Побѣжи ты, поганый Момай, от насъ позадьнеш и нам от земли Рускои.

Уподобился еси милому младенцу у матери своей. Тако господь бог помиловал князей рускихъ, великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андрѣевича меж Дона и Непра.

И стал великий князь Дмитрей Иванович съ своим братом с князем Владимером Андрѣевичем и со остальными своими (л. 192) воеводами на костѣхъ на полѣ Куликове на речьке Непрядѣ. Грозно бо и жалосно, брате, в то время посмотрети, иже лѣжат трупи крестьяньские у Дуная великого на брѣзе, а Дон река три дни кровию текла. И рече князь великий Дмитрей Иванович: считайтеся, братиа, колько у нас воевод нѣт и колько молодых людей нет. Тогды говорит стоя Михайло (л. 192 об.) Александровичь московский боярин князю Дмитрѣю Ивановичю: Государь князь великий Дмитрей Иванович, нету, государь, у нас 40 бояринов московских, 12 князеи бѣлозѣрьских, 30 новгородских посадников, 20 бояринов коломенских, 40 бояр серпуховскихъ, 30 панов литовскихъ, 20 бояр переславских, 25 бояр костромских, 35 бояр Володимеровских, 8 бояръ сузда⟨л⟩ских, (л. 193) 40 бояръ муромских, 70 бояр рѣзаньских, 34 бояринов ростовских, 23 боляр дмитровских, 60 бояр можайских, 30 бояр звенигородских, 15 бояр углецких. А посечено от бѣзбожнаго Мамая полтретья ста тысещь и три тысечи. Слава тебе, господи боже нашь, помиловалъ насъ. И рече князь великий Дмитрей Иванович: братия бояра и князи и дѣти боярские, то вам сужено (л. 193 об.) мѣсто меж Доном и Непром, на полѣ Куликове на речке Напрядѣ. И положили есте головы своя за святыя церькви, за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую. Простите мя, братия, и благословите в сем вѣце и в будущем. И пойдем, брате, князь Владимер Андрѣевич, во свою Залескую землю къ славному граду Москве и сядем, брате, на своем княжение, а чести есми, брате, добыли и славного имени. Богу нашему слава.

5. СИНОДАЛЬНЫЙ СПИСОК[1]

Сказание Сафони⟨а⟩ резанца исписана руским князем похвала великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его Володимеру Ондреевичу

Говорит княз великий Дмитрей Ивановичъ брату своему князю Водимеру Ондреевичу, што де идет поганый царь Мамай в полунощную стражу[2] в место Охмета сына Ноева, от него же родися Рус православ-

[1] *Собр. б. Синодальной библиотеки № 790, XVII в. Гос. Истор. музей.*

[2] *В угловых скобках добавлены явно пропущенные писцом буквы; в примечаниях даются поправки к словам, где допущены простые описки, искажающие смысл. Не-*

ная. Взыдем, брате, на гору киевския, посмотрим славнаго Днепра и во всю землю роскую, иж жребие воздати на силу поганого царя Момая. Се бо есмо чада благородныя.

Потом же написахом жалост и похвалу великому Дмитрию Ивановичу и брату его князю Володимеру Ондреевичу.

Снидем, брате, сынове руския, составим слово ко слову, возве‹се›лим Рускую землю, понеже печал на восточную страну в сем жребие воздати победу поганому царю Момаю.

Говорил княз великий Дмитрей Иванович брату своему князю Володимеру Он‹д›реевичу: скажи ми, (л. 37) брате, коли и мы словесы о похвалных сихъ о нынешних повестех а полкъ великого князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Анъдреевича и правнуковы Володимера Киевского. Нача повѣдати по делом былым. Не поразился мысленными землями, помянем первых лет времена, похвал‹им› вещаго горазда гудца. Тот бо де похвал вещи буиныя накладаетъ свои белыя руцы но златыи струны, пояше руским князем похвалу: первому князю рускому на земли киевскои Рурику, великому князю Володимеру Светославычу, великому князю Ерославу Володимеровичу. И здеся помянем Софониа резанца, сего великого князя Дмитрея Ивановича и правнука святого князя Володимера киевского и брата его Володимера Андреевича, их же помянем и похвалим гуслеми и песнеми и буиными словесы, занюже отпало было мужество князем руским. От Колонныя роти лет 160 до Мамаева побоища.

Се бо идет княз великии Дмитрей Ивановыч и братъ его княз Володимер Андреевич, помолився богу и пречистой его матери, истежавше умы свои крепостею и поостри серце свое мужеством и наполнися роснаго[1] духа и вставиша собе хибрия[2] полти ся рускои, поменовыша прадида своего великого князя Володимера киевского.

А жаворо‹но›к лѣтъняя птица, красных днеи втиха, возметы ж под сылныя небеса, посмарти[3] ко славному городу Москви. А чи боре соколом (л. 37 об.) зонесет из земли Золеское в поле половецкое. Кони ирзуть на Москве, трубы трубят у Серпугове, бубны бубнят но Коламне, звинит слава по всей земли руской, чудно стези стояти у великого Дону на берези. Звонят вечныя колоколы у Великом Новегороде, стоят мужи новгородцы у святое Софеи, рекут так: Уже нам, брате, не поспети на пособь государю нашему великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Володимеру Андреевичу. Як тые слова измовили, а уже какъ орли слетишася, выехали посадники всѣ из Великого Новогорода 70 000 кованыя рати к великому Дмитрею Ивановичу, ко брату его князю Володимеру Андреевичу на пособъ ко славному граду Москве.

понятые и потому искаженные переписчиком места сохраняются в их подлинном виде — таких искажений Синодальный список дает значительное количество.

[1] ратнаго

[2] храбрия

[3] посматри

У Дону великого стоят татарове поганыи цар Мамой на реце Мечне, межи Чудовым и Михайловым, хотят брести к нам и предати живот свой на смерть нашей славе.

И рече княз великий Дмитрий Ивано‹ви›ч брату своему князю Володимеру Андреевичу: пойдем, брате, тамо, искупим животом славы, учинить имам диво, старих повест, а младым памет за землю рускую и за веру християнскую. И рече князь Дмитрей Иванович брату своему: князи е‹с›мо рускии, гнездо е‹с›мо князя Володимера киевского, руского царя. Доселя есмо были не обижены ни от кого, ни ястребу, ни соколу, ни белоозерскому кречету, ни тому ж псу поганому цару Мамаю.

А соловей, летняя птица, (л. 38) красных дней втеха, што жъ бы еси выщектали из замл‹и›[1] Залеское двух брат Алгиродивичовы, князя Дмитрея Волынскаго, а князя Ондрея Бра‹н›ского. Тые ж бо ест сынове храб‹р›ии, родишас в ратное време, под трубами нечистых кочаны, коней воскормлены, с коленых стрел воспоены в ‹Ли›тивской земли.

И рече княз Ондрей Бранский брату своему князю Дмитрею Волынскому: княже Дмитрею, сами есмо собе два браты, сынове смо Алгыродовы, а внучата есмо Гедымонтавы. Соберем собе милую дружину храбрих панов, а силных удалцах, а сами усядем на борздыя кони, посмотрим бистрого Дону, сопием шеломом воды, испытаем мечов своих литовских, а шоломов татарских, солиц немецких, а бонадов бесумерских.

И рече княз Дмитрей Вол‹ын›скии брату своему князю Ондрею Бранскому: не пощади, брате, живота своего зо землю рускую и зо веру християнскую, за обиду великого князя Дмитрия Ивановича и зо брата его князя Володимера Ондреевича. Вжо, брате, стук стучит и гром гримит в камене граде Москве. То ти, брате, не стук стучит, ни гром гримит, стучит раты великого князя Дмитрия Ивановича, гримят руская удалцы золотыми доспехи и шеломы и черлеными считы. Седлай, брате Ондрей, своих кони, а мои подеманы. Выедем, брате, выедем, брате, в чистое поле, посмотрим, брате, в чистое поле, посмотрим, брате, своих полков, колко с нами удалых панов храбрие Литвы: та поведают 70 тысещъ кованыя раты.

Вжо, брате, возвеяша силныя ветри ко вусти Дона и Днепра, пролишася (л. 38 об.) силныя кривавыя зори, в них же трепещут силния молния. Быти утупу великому на реце Непрадене, меж Дона и Днепра, пасти великому трупу человеческому но поли Куликове, пролити крови. Вжо, брате, воскрипели телегы татарския межи Дона и Днебра, идут хинове на Рускую землю. Притекоша ярия волцы но вусти Дона и Непра, ставыи[2] выют но реце но Мечи, хотят поити на Рускую землю. То ти быша не серия волцы, проидоша поганыя татарове, хотят проити воюючи Рускую землю.

---

[1] *В рукописи не дописана только последняя буква „и", поэтому в издании Смирнова ошибочно указано, будто не дописана „строка" (Русский филологический вестник, т. XXIII, 1890, № 2, стр. 12, прим. 21).*

[2] *Можно прочитать и* ставши

Тогда гуси возгагатали и лебеди возплескали крилами своими. Не гуси ж то возгогатали, паганыи цар Мамай пришел и воеводство привел. Вжо победы их пашутся, а птицы под облаки летают. А ворони часто играют, а галицы своею речю говорят, орли в гаму кличут, волцы грозно выют, а лисицы на костех брешут. Земля, земля резанская, тепер бо ест коко зо Соломоном царем побывали.

То ти уж бо ястреби и соколи и белоозерстии кречеты отривахуся от златых а колкоцы ис камени грады Москвы, обриваху шевковыя опутины, возвиваючися под синия небеса, звонечи золотыми колоколы. Над быстрым Доном хотят ударити на многие стады гусиныя и на лебединыя, а богатыри руския удалцы хотат ударити на великия силы поганого царя Мамая.

Тогда княз великий Дмитрий заплакал гарко и рече: господи боже мой, на тя уповах, да не постыжуся (л. 39) во веки, на да посмеются врази мои. Втер слезы свои и воступает во позлощное свое стремя и взял меч свой во правую руку и помолися богу и пречистой его матери. Солнцо ему ясная сияет на востак, пут поведает, святый Борис и <Г>лебъ молитву творит за сродники своя.

Што пишут, што гримит, что грит рана пред зорами? Княз Володимер полки перебираетъ и ведет к быстрому Дону ко брату своему князю Дмитрию Ивановичу. Княже великий Дмитрий Иванович, не уставиумо великим полком. Не слухай изменников, не услобляй поганым татаром. Уже бо поганые татарове поля наступают, а хоробруя нашу дружину побивают.

И рече князь Дмитрей великий Иванович брату своему князю Володимеру Ондреевичу: Брате милый, сами есмо собе два браты, сынове есмо велико<го> князя Ивана Данилевалча Каметы,[1] а внучата есмо великого князя Даниля Александровича. А воеводы в нас воставлены крепкия 70 бояринов, а княз белоузерстии Федор Семенович, два брата Олгиродовичи, княз Андреи Бранскый, а княз Дмитрей Волынский, а Тимофей Волоевич, Андреи Серкизовичъ, а Михайла Иванович. У боя нас людей 300 тисещъ кованыя раты, а воеводы в нас крепкия, ведомоя дружина, а под собою маем кони борздыя, но собе (л. 39 об.) маем доспехи позлащенныя, а шоломы чиркаския, а щити московския, а сулицы немецкия, а кофыи фразския, а кинжалы мисурскими, а мечи булатныя, а дороги нам сведомо, а перевозы в нас в нас в<с>тавлены, но еще хощем силно главы свои положити за святыя божия церква, за православную веру християнскую и за землю Рускую. Пашут бо кафир, ищут бо собе чести и <с>лавы и великого имени.

Уже бо я<с>треби и соколи и белоозерстии кречеты прилетеша и ударища на многия стада со силныя и на лебединыя. То ти быша ни соколи ни кречеть, то то уже изехалися далныя люди князи руския, богатыры литовския но великия силы татарския и удадариша[2] кафыи фраз-

[1] Калиты

[2] ударища

скими а даспехи татарскими. Возгримели мечи буйныя а бы шеломы бесурменския на поли Куликове на реце Непродене.

Черная земля под копытами под костми татарскими носити кровью земля. Силныя волцы[1] изступишася в место, протекоша лугы и холмы кровию. Возмутишася реки и потоки езора. Кликнула диво по всим землям руским, велит грозна послушати. Шибла слава к мору и к Ворнавичом и к Железным вратом, ко Кафе и к турком и ко Цареграду, и што Ру‹сь› поганых одалеша.

На поли (л. 40) Куликове тучи силныя изступишася, а вид ни‹х› сияли силныя великия молныя, гримит гром силный. Та ти изступишася сынове руския с погаными татари за свои обиды. А в них же сияли золотыя доспехи, гремели князей руских доспехи и хечи[2] булатныя и обышаки московския. И билися из утра до полудня в суботу на рожество святыя богородица месяца сентебра во 8 ден.

Не турове рано возрули на поли ‹Кули›кове, возрули воеводы силныя бояре великаго князя Дмитрея Ивановича, вои и князя белоозерстии, побитыи и посеченыи от паганых татар: Федор Семенович, Ондрей Серкизович, Михайло Иванович, Семен Михайлович, Микула Василевич, Тимофей Волуе‹ви›чъ, иная многа дружина у Дона на березе лежит побита и постреляна.

Пресвета чернца б‹р›анского боярина привели но судное место. Говорит Пересвет чернецъ великому князю Дмитрию Ивановичу: Государь князь Дмитрей Иванович, лучьжи ш бы нам, господине, посеченым быти, нижли полоненым быти от паганых татар. То ж де Пересвет чернць поскакивает на своем борздом кони, золотым доспехом посвещаючи. А многая иная дружина лежит у великом Дону побита и постреляна. И рече: Добре тут, брате, стару помолодети, а молодому чести добыти, плечи св‹о›их испытати. (л. 40 об.) Говорит Услабо чернец брату своему Пересвету чер‹н›цу: Брате Якове, вижу на теле твоем многия раны, пасти главе твоей на траву ковылу, брате чадо Якове, но зелену ковылу зо землю рускую и зо обиду великого князя Дмитрея и зо брата его князя Володимера Ондреевича.

В тоя ж время по Резанской земли ни ратой ни постух не покличет, но толко часто вороны играют, трупу человеческаго чают. Сего ради грозно жалосно видети крови християнское, зонѣжъ трава кровью полита, а древеса тугами приклонишася до земли. Воспели птицы жалостными песнями, восплакали кнегини и бояр‹ы›ни избиенных мужей, Микулина жена Маря рано плакаше у Москве града но заборолех, а рекучы такъ: Доне, Доне, быстрая река, прорыла ест каменья горы, течешы в землю половецкую, прилелей моего господаря ко мне Микулу Василевича. Тимохвеева жена Настася тако ж плакашеся рано, а рекучы: Ужо веселие мое пониче у славъном городе Москве. Уже государя моего Тимохвея в животе не вижу. Аньдреева жена Маря да Михайлава жена Оксинья

[1] полци

[2] мечи

рано ж плакашеся: Уже нам солнце померкло во славномъ граде Москве. Припахнули нам от быстрого Дону поломяныя вести, носяше великую беду, мужей нашых раты прибили. Изседоша удалцы из борздых конеи на судное место на поли Куликове, положыли головы своя от святыя божыя церкви за православъную веру християнскую и за господаря великаго князя Дмитрия (л. 41) Ивановича и брата его князя Володимера Андреевича.

Вжо, брате, диво кличет под шаблею татарскою, а тым богатырем слава и чест и веч<на>я памят от бога милост.

Не щурове рано воспели в Коломных городах но заборолех но воскресение христово на Акыма и Анны днес. То ти быша не щурове рано воспели, восплакалися жены поломяныя,[1] и рекучи тако: Москва, Москва, быстрая река, чему еси золелѣела мужей наших от нас в землю половецкую. Государю княже великий Дмитрей Иванович, можеши ли реку Донъ зоградити и шеломы ичерпати, а реку Мечну трупы татарскими зоградити. Замкни, государю великий княже Дмитрей Ивановичъ, реце отчин[2] ворота, што ж бы тые поганые татарове и потомъ к нам не бывали, уже бо мужей наших прибыла от рат поганых татар. Того дня в суботу на рожество святыя богородици секоша християне полковъ поганых татар на поле Куликове на реце Непрядене.

Воскликнул княз Володимер Андреевич, а скокаша на конѣ по рати поганых татар, своим конем борздым поеждаючи, золотым поспехом[3] посвечаючи. Гримят мечы булатныя об шеломы татарския. И похвалит княз великий Дмитрей Иванович брата своего Володимера Андреевича: (л. 41 об.) Брате милый Володимере, то ты ест желѣзное забороло у зло тошного веремени. Говорит княз Володимер Андреевич брату своему князю Дмитрю Ивановичу: брате княже великий Дмитрей, не оставай из своими великими полки, не слухай измеников сромотников. Поганыя татарове поля наступуют, а хоробрую нашу дружину побывают, во трупу человеческому добрый кон рихло не скочит, во крови по колени бродит. Уже, брате, велми жалосно видити крови християнское. Не оставай, брате княже Дмитрею, из своими воеводы из силными бояры. Рече княз Дмитрей Иванович своим крепким воеводам и силным великим бояром и детем боярским: братя руская, князи и воеводы и бояре и боярские дети, тута надобе стару помомодети,[4] а молодому чести достати собе и детем своим и женам своим, места достати на сей службе. То ти ест не наши меды сладкия московъския. А колис о местих тяжетеся, ту кождый добрый удайся, добуд собе чести и славы и места женам и детем и всему своему роду.

И рече княз великий Дмитрей, яко ж рече по пророческому Давыдову слову: Господи боже мой, на тя уповах, да не постыждуся во вѣки,

[1] Коломенскыя
[2] Оке
[3] доспехом
[4] помолодети

ни да посмѣются врази мои. (л. 42) И помолися богу и пречистой его матери и всим святым его и заплакал горко и втер слезы свои.

Тогда яко орли слетешася но великия сыли татарския поганого царя Момоя. Я[1] побегоша татарове нетоличными дорогами, пометавше оружие свое и руками своими покриваху главы своя и плакашася горко глаголюще: Уж нам у Золотой орда не бывати, бедных жон и детей не видати. Се ж погибе царей наших веселие и величество и радост и похвала на Рускую землю из радостою ходити.

И погнаше руския сынове вослед поганых татар и победивше много множества поганых татар безчисленно и возростишася[2] и с победою из великою радостию к великому князю Дмитрию Ивановичу и ко брату его Володимеру Ондреевичу на поли Куликове на реце Непрядене. Быст радост великая руским князем.

Ставши на костехъ поганих татар вострубили и з радости начаша имати кони и верблюды и камки, носечи сребро и злато и крепкия доспехи и чест и жемчуги и дорогое взорочия, колко хто хотечи и могучи, толко возимаючи. Жены жены руския татарским златом.

Княз великий Дмитрей Иванович получи божию милость пречистия его матери и всех святых его, молитвами святых чудотворец руских Петра и Алексия и преподобнаго отца нашего Сергея и брата его святого Володимера Кие<в>ского, иныя многия руския вдалцы князи (л. 42 об.) и бояре и боярския дети возратишася из своим господарем ко славному граду Мо<с>кве с великою попедою[3] из росстию[4] незглаголанною.

И поганый цар Момай с малою дружиною прибегъ ко Кафе и рекоша ему фрезове: Поганый царю и бедный Момаю, пошел еси похвалившисе на Рускую землю з деветю ордами из семию девет великими кназми ординскими темними, а нынѣче еси прибегъ самою дружиною толко самъ десят. Нешто гораздо чтили их руския князи твою дружину темных князей великих вланов, што их с тобою никого нет? А то сами розумем, поганый Момаю, что от великию чести от солодких медов князей руских воя твоя дружина зогибла, и многия орды погибли и главы свои потерали. А ты ж сам худый бедный царю Момаю, чести своея избыв, вечно, поганый Момаю, заденеши нас своям безумием, яко ж пишет во причах: похвала бывает мужу безумному великая пагуба. А инде пише во причах: гордому богу[5] противится, а смиренному дает благодат. Богу нашему слава и нынѣ и п<р>исно и во веки веком амин.

Конецъ

---

[1] И
[2] возвратишася
[3] победою
[4] радостию
[5] бог